ИНСТИТУТ ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА ЛЕНИНА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА
Ц Г 11
4512

ЧЕРНОВЪ
ГДРДЕНИНЪ

ЧУЖИМИ ПУТЯМИ

3ŭ αφ.

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

НГП
4512

Ю. Гарденинъ

Чернов, В.М.
X

ЧУЖИМИ ПУТЯМИ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

НГП
25

ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „ЖИЗНЬ“

GENÈVE
IMPRIMERIE E. CHAULMONTET
Rue des Rois, 12
—
1916

3 экз М.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	Стр.
Войны правительствъ и войны народовъ	3
Небывалый призывъ	5
Двѣ позиціи	11
Строгому судіи	13
Политическіе примитивы	17
На одномъ примѣрѣ	21
Мой отвѣтъ и мой совѣтъ	27
Открытое письмо Евгеньеву	30
Логика одного грѣхопаденія	35
Дополнительныя затраты	44
Новый политическій блокъ	49
Нереволюціонная революція	60
Война и революція	66
Отъ соціалъ патріотизма къ нео-кадетству	72
О народнической конференціи	78
Приложеніе Резолюціи народническаго совѣщанія	86
Плѣнное народничество	89

ЦГАЛИ
Библиотека
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

ВОЙНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЪ И ВОЙНЫ НАРОДОВЪ.

„Теперь прошло время для войнъ кабинетскихъ. Кабинетская война никогда не можетъ увѣнчаться успѣхомъ“ — говорилъ хорошо понимавшій свое дѣло Бисмаркъ. „Войну можно вести только тогда, когда на войну согласна вся нація. Война должна быть народной. Война должна вызывать энтузіазмъ...“

Эти слова Бисмарка „война должна быть народной“ подхвачены сейчасъ во всѣхъ странахъ соціалистами, духовно спасовавшими и капитулировавшими передъ стихіей военнаго безумія. Въ этой фразѣ для нихъ раскрылась цѣлая политическая программа — военная программа соціализма. Этимъ лозунгомъ — „война должна быть народной“ — вдохновляется и пропаганда добровольчества, захватившая даже ряды русской революціонной эмиграціи...

Въ общей экономіи современной войны вопросъ о добровольчествѣ, конечно, есть не болѣе, какъ мелочь. Сравнительно съ громадными массами подлежащихъ призыву въ принудительномъ порядкѣ, что можетъ значить маленькая горсточка ангажирующихся добровольно? Передъ современными милліонными арміями даже десятки тысячъ волонтеровъ — ковшикъ воды, вылитый въ рѣку. Не это, конечно, важно. Существенно другое. „Возможно болѣе широкое участіе въ войнѣ“ означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, если можно такъ выразиться, „волонтерство духовное“. „Милліоны россійскихъ гражданъ бьются съ могущественнымъ врагомъ, но и тѣ десятки милліоновъ, которые остались дома, чувствуютъ себя въ сѣрой солдатской шинели“ — такъ характеризовалъ недавно это настроеніе одинъ изъ легальныхъ публицистовъ. Жить духовно только войной, страдать ея неудачами, томиться ея буднями, и ликовать въ ея „праздники“. Временно забыть нашу „штатскую“ внутреннюю жизнь съ ея политическими разногласіями и конфликтами. Разоружиться въ качествѣ людей партіи во имя національнаго единства и добровольной дисциплины. Въ арміи нѣтъ классовыхъ и партійныхъ различій: всѣ въ одинаковыхъ сѣрыхъ шинеляхъ, всѣ въ однихъ рядахъ, плечомъ къ плечу. Оставаясь и дома, — говорятъ намъ — чувствуйте

себя въ такихъ же точно шинеляхъ, приведенными къ одному знаменателю, внѣ религіозныхъ, сословныхъ, классовыхъ, партійныхъ различій. Страна, въ духовномъ смыслѣ, — какъ бы продолженіе арміи: то же единство, то же смыканіе передъ лицомъ общаго врага, то же фактическое признаніе нынѣшнихъ „верховныхъ вождей“. Признаніе временное и условное, — но признаніе.

Да, это лозунгъ. Многозначительный, далеко идущій... и далеко заводящій.

„Народная война!“ О да, мы знаемъ въ исторіи примѣры такихъ войнъ. „Народной войной“ — въ полномъ смыслѣ этого слова — была война первой французской республики противъ ополчившейся на нее европейской коалиціи. Здѣсь народъ — свободный народъ, народъ-суверенъ — взялъ въ свои собственныя руки веденіе войны. Это была, дѣйствительно, его война, а не правительственная, не кабинетская. Другой примѣръ чистаго типа народной войны — гарибальдійскій походъ въ Сицилію и Неаполь. Уже менѣе чистымъ типомъ такой войны была гамбетовская организація народной обороны, въ значительной части ввѣренная реакціоннымъ генераламъ, плохо вѣрившимъ въ поголовное ополченіе противъ внѣшняго врага съ его своеобразной революціонностью методовъ. И еще менѣе — современная французская организація національной защиты. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ хотя бы, какая участь постигла возникшую было въ столицѣ при приближеніи нѣмцевъ свободную, спонтанейно-народную организацію всеобщаго вооруженія гражданъ „Paris armé“? Она была немедленно распущена. Элементъ „народности“ предпочли строго ограничить. Получивъ отъ народа вотумъ довѣрія, правительство со своей стороны отвѣтило вотумомъ недовѣрія къ народу...

Теперь спрашивается: какой же возможенъ разговоръ о „народной войнѣ“ въ странѣ, гдѣ недовѣріе къ общественнымъ и народнымъ силамъ положено въ основу всей политической организаціи? Гдѣ за оккупаціей Галиціи слѣдуетъ ограниченіе правъ языка освобождаемыхъ русинъ и начинаетъ носиться кошмарный фантомъ еврейскихъ погромовъ? Гдѣ обѣщаніе возстановленія Польши остается на бумагѣ и не влечетъ за собой отмѣны рѣшительно н и о д н о г о изъ законовъ и распоряженій, относящихся къ эрѣ

самаго тяжкаго гнета и притѣсненія? Гдѣ, послѣ объявленія войны „народной“, двери тюремъ не отворяются даже для тѣхъ заключенныхъ, которые ходатайствуютъ о допущеніи въ дѣйствующую армію, съ условіемъ отбыть послѣ войны остающійся срокъ заключенія? Гдѣ „черта осѣдлости“ не размыкается даже для тѣхъ евреевъ, которые бѣгутъ изъ мѣстъ, занятыхъ непріятельской арміей?

Вотъ и говорите послѣ этого: „война должна вызывать энтузіазмъ“. Вотъ и говорите послѣ этого о войнѣ національной, народной, о войнѣ, которую ведутъ „всѣ народы Россіи“. Не они „ведутъ войну“, а ихъ ведутъ на войну. Sic vos — non vobis!

Козьма Прутковъ говорилъ: „если на яблонѣ увидишь этикетку съ надписью „слива“, не вѣрь глазамъ своимъ“. Мы понимаемъ, что для современныхъ большихъ и маленькихъ Бисмарковъ (а они водятся, какъ и милитаризмъ, не въ одной Германіи) бываетъ выгодно иногда на яблоню привѣшивать такія этикетки. Мы знаемъ, что бываютъ и простаки, которые охотно „не только за страхъ, но и за совѣсть“ исполняютъ за нихъ подобную работу. Простаки всегда и вездѣ загребали своими руками жаръ изъ огня въ чужую пользу. Но мы не хотимъ этого, мы отказываемся исполнять роль „карасей-идеалистовъ“, пока въ мутной водѣ ловятъ рыбу прожорливыя щуки!

При нашихъ русскихъ условіяхъ согласиться обратить страну въ простой придатокъ къ царской арміи? Признать всю страну не болѣе, какъ тыломъ послѣдней? Не значитъ ли это поставить все вверхъ ногами? И не припоминается ли вамъ знаменитый вопросъ Козьмы Пруткова: что къ чему привѣшено—собака къ хвосту или хвостъ къ собакѣ?

Все это, однако, было бы смѣшно, если бы не было слишкомъ грустно. Мы живемъ — увы! въ такое время, когда нельзя „просто“ шутить. Каждая шутка противъ нашей воли напоена „оцетомъ и желчью“...

НЕБЫВАЛЫЙ ПРИЗЫВЪ.

Изъ рядовъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ раздался первый голосъ, зовущій насъ временно свернуть свое революціонное и соціалистическое знамя, красное знамя рабо-

чаго народа, и перейти подъ общенаціональное, трехцвѣтное Тов. Л. В., съ которымъ насъ въ прошломъ соединяетъ столько завѣтныхъ воспоминаній, столько вмѣстѣ пережитыхъ революціонныхъ праздниковъ и сѣрыхъ будней, столько общихъ радостей и горькихъ утратъ, выступаетъ съ заявленіями, которыя вырываютъ между нимъ и нами какую то непереходимую морально-психологическую и политическую пропасть...

„Волею судебъ случилось, — пишетъ тов. Л. В. — что весь правительственный механизмъ Россіи находится по ту же сторону баррикады, куда зоветъ и насъ нашъ долгъ". Вотъ, по его мнѣнію, неоспоримый фактъ, изъ котораго нужно исходить.

Но фактъ ли это? Не предположилъ ли т. Л. В. „самоочевиднымъ" какъ разъ то, что нуждается въ доказательствѣ? Вдумался ли тов. Л. В. по настоящему въ вопросъ, который предварительно надо поставить во всю его величину: к а к ъ э т о м о г л о с л у ч и т ь с я, что „правительственный механизмъ" самодержавія оказался „по ту же сторону баррикады", по которую долженъ помѣстить насъ „революціонный долгъ"? И кто для этого перемѣнилъ „сторону баррикады": мы ли, перешедшіе avec tous les armes et bagages на т у сторону, или царское правительство, перекочевавшее на э т у?

О, если все дѣло въ томъ, что м ы покидаемъ н а ш е дѣло и „утлый свой челнокъ" привязываемъ „къ кормѣ большого корабля" русскаго самодержавія, — тогда секретъ „воли судебъ", помѣстившей насъ и его по „одну и ту же сторону баррикады" — слишкомъ простъ и никакихъ разъясненій не требуетъ. Но вѣдь не такъ же представляетъ себѣ дѣло тов. Л. В. Ему кажется, что исторія — эта „великая шутница" — сшутила шутку съ русскимъ самодержавіемъ, е г о заставивъ сражаться за дѣло, достойное и нашего полнаго участія. Не мы „пристаемъ" къ чужому для насъ дѣлу, а русское самодержавіе пристаетъ къ дѣлу, намъ близкому и родному, а ему, казалось бы, совершенно чуждому.

Но тутъ то и возникаетъ вопросъ: сообразно ли съ природой самодержавія приставать къ внутренне чуждому для него дѣлу? Не есть ли этотъ „фактъ", изъ котораго хочетъ исходить тов. Л. В., — простымъ политическимъ миражемъ?

„Нашъ долгъ — не противодѣйствовать тѣмъ силамъ, которыя борются за то же, за что должны бороться и мы“ — восклицаетъ тов. Л. В. Превосходно! Но неужели же товарищу самому не приходитъ въ голову, до какой степени чудовищно предположеніе, будто русское самодержавіе, внѣшняя и внутренняя политика котораго намъ всегда была насквозь ясна, можетъ въ этой великой міровой катастрофѣ „бороться за то же, за что должны бороться и мы“?

О, мы слишкомъ хорошо знаемъ, что и въ Россіи, и особенно среди нашихъ западноевропейскихъ друзей теперь особенно настойчиво теплится огонекъ надежды, что участіе Россіи въ борьбѣ „либеральныхъ демократій“ запада противъ „прусскаго милитаризма“ благотворно повліяетъ на самый внутренній строй Россіи, на орієнтацію правительственной политики въ сторону либерализма. Мы знаемъ, что съ французской и англійской стороны нѣтъ недостатка въ дискретныхъ совѣтахъ и намекахъ русскому правительству на необходимость хотя бы на время войны соотвѣтственно видоизмѣнить свой „курсъ“. Но — цыплятъ по осени считаютъ! Какихъ только надеждъ не возбудило въ свое время среди русскихъ либераловъ зарожденіе союза съ республиканской Франціей! И однако... и однако не русскіе методы управленія подверглись послѣ этого европеизаціи, а наоборотъ — французская буржуазная республика неоднократно п р о с т и т у и р о в а л а с ь царю. И не увидимъ ли мы того же самаго, въ еще большихъ размѣрахъ, теперь, когда внѣшняя опасность и безъ того во всѣхъ странахъ очищаетъ дорогу военной диктатурѣ и превращенію парламентаризма въ фикцію? Вмѣсто того, чтобы надѣть европейскія перчатки въ своей внутренней политикѣ, не захватаетъ ли своими грязными руками русскій царизмъ все то, что еще остается относительно чистымъ въ политикѣ „западныхъ демократій“?

Есть одинъ анекдотъ о подслѣповатомъ судьѣ, который, во время привода къ присягѣ свидѣтелей, закричалъ одному изъ нихъ, по профессіи трубочисту: „Эй! кто тамъ принимаетъ присягу въ перчаткахъ? Долой съ рукъ перчатки!“ — „Нѣтъ—крикнулъ въ отвѣтъ кто то изъ публики — долой съ носа очки!“

И, право, было бы недурно, если бы тов. Л. В. снялъ

„долой съ носа очки“ — розовыя очки ничѣмъ невозмутимаго, не знающаго удержу, переходящаго всѣ границы оптимизма. Онъ положительно загипнотизировалъ себя, что „нынѣшняя война — война народная, народная потому, что служитъ защитѣ права народа и народовъ, и не участіе того или другого реакціоннаго правительства можетъ измѣнить характеръ войны“. Эта декларація политической беззаботности, эта кристальная вѣра въ метафизическую „народность“ войны, благодаря которой можно безопасно „припустить“ къ ней любую реакціонную силу — козла въ огородъ — чрезвычайно характерна для товарища. Не подумайте, что здѣсь — случайная обмолвка. Ни мало. Русскій царь въ роли борца противъ угнетающаго Европу милитаризма? „Что же — тѣмъ лучше. Кто бы ни боролся за правое дѣло—правое дѣло отъ этого не станетъ хуже“. Тѣмъ лучше, что „наше дѣло... велѣньемъ рока стало дѣломъ нашихъ враговъ“.

„Велѣньемъ рока стало...“. „Волею судебъ случилось...“. Опять все они же, „капризы исторіи“! Быть можетъ, какъ литературная фраза, это звучитъ и недурно, но когда насъ систематически хотятъ заставить увѣровать въ историческія чудеса, въ самодержавнаго козла, охраняющаго демократическую капусту въ европейскомъ огородѣ, и при этомъ не могутъ предъявить никакихъ подтвержденій, кромѣ ссылокъ на великую капризницу Исторію, — то, право, это становится уже слишкомъ! И мы вправѣ, наконецъ, крикнуть: „долой съ носа очки!“.

О, когда тов. Л. В. разсуждаетъ о мотивахъ и цѣляхъ участія въ войнѣ Германіи, онъ далекъ отъ всякихъ розовыхъ очковъ, онъ — трезвый и холодный аналитикъ, онъ — почти матеріалистъ. Онъ безпощадно сдираетъ всѣ покровы идеализаціи, которыми нѣмцы облекаютъ своекорыстные разсчеты на увеличеніе великодержавной мощи, пріобрѣтеніе новыхъ колоній, ростъ промышленности, увеличеніе благосостоянія населенія, до пролетаріата включительно и т. д., и т. д. О, его не надуешь алармистскими криками о царской и казацкой опасности, о международномъ заговорѣ съ цѣлью „encerclement“ Германіи, объ опасности, грозящей цѣлостности, единству, свободѣ и независимости нѣмецкаго народа.

Но только на разоблаченіе видовъ непріятельскаго лагеря и хватаетъ у тов. Л. В. запаса историческаго реализма. Достаточно ему перейти къ противоположной сторонѣ — и онъ становится столь же безусловнымъ, парящимъ въ облакахъ идеалистомъ. Только послушайте: „защищая свои права, союзные народы защищаютъ въ то же время прежде всего п р а в а н а р о д о в ъ, абсолютное право народа не подчиняться эгоистическому желанію другого народа“. Что и говорить! Если хотите въ этомъ убѣдиться — попробуйте ка во французской прессѣ, хотя бы даже соціалистической, поговорить сейчасъ о положеніи Персіи, Египта или Финляндіи — и вы увидите, какъ обстоитъ въ нихъ сейчасъ дѣло съ „абсолютнымъ правомъ“! Но тов. Л. В. этого еще мало. Онъ становится настоящимъ бардомъ политики Извольскаго, сэра Грея и мосье Делькассэ, онъ въ забвеніи чувствъ, въ экстазѣ почти религіознаго преклоненія говоритъ — нѣтъ, не говоритъ, а в ѣ щ а е т ъ: “Союзные народы подняли оружіе для защиты правъ культуры, человѣчности, справедливости, вѣчныхъ, незыблемыхъ принциповъ“.... Это не то, что презрѣнная копеечная Германія! Франція, Англія, Россія — вотъ они, средневѣковые рыцари безъ страха и упрека, „своею кровью начертавшіе на щитѣ“ не выгоду, не интересъ, не честолюбіе, а „вѣчные, незыблемые принципы“ „абсолютнаго права“... Спрашивается: можно ли нарочно придумать большее забвеніе азбуки соціалистической критики, большее самообольщеніе и затемнѣніе трезваго политическаго сознанія?

Если бы тов. Л. В. примѣнилъ къ лагерю „союзниковъ“ хотя бы малую толику того ультра-трезваго политическаго позитивизма, на который онъ такъ щедръ по отношенію къ Германіи, то, быть можетъ, не такимъ „чудомъ“ предсталъ бы передъ нимъ и союзъ русскаго самодержавія съ буржуазной демократіей Англіи и Франціи. Онъ понялъ бы, что это союзъ не абсолютнаго начала права и демократіи съ самоотверженно поступающимъ вопреки своей внутренней сущности произволомъ, а просто союзъ династическаго имперіализма царской Россіи съ капиталистическимъ имперіализмомъ Англіи, съ финансовымъ имперіализмомъ Франціи. И сущность компромисса, заключаемаго ими въ интересахъ борьбы противъ могучаго конкуррента — имперіализма

германскаго — для него лишилась бы всякой загадочности. Въ миніатюрѣ мы уже видѣли всю прелесть этого компромисса — на совмѣстномъ хозяйничаньи Англіи и Россіи въ несчастной Персіи. Можетъ быть, исторія дѣйствительно „великая шутница“, но ея шутки часто бываютъ весьма дурного тона. Такую шутку она затѣяла и сейчасъ въ небывало грандіозныхъ размѣрахъ. Мы въ ней—не участники. Для тов. Л. В. это значитъ, что мы хотимъ „отгораживаться фразами отъ великой международной борьбы за право“.

„Мы не заключаемъ никакого союза съ правительствомъ“, — говоритъ тов. Л. В. — „Мы не ставимъ никакихъ условій. Мы ничего не требуемъ. Мы просто признаемъ, что то дѣло, за которое въ настоящее время борется правительство — наше дѣло. И на все время войны мы разоружаемся, складываемъ наше оружіе и всѣми способами содѣйствуемъ успѣху нашего дѣла, которое велѣньемъ рока стало дѣломъ нашихъ враговъ“.

Позиція ясная. Слишкомъ ясная!

О, мы знаемъ, что въ ея оправданіе имѣетъ привести тов. Л. В. Онъ не забываетъ о внѣшнемъ и внутреннемъ безобразіи царскаго режима. Онъ только ставитъ вопросъ о политическомъ пріоритетѣ, онъ только напоминаетъ, что „довлѣетъ дневи злоба его“.

„Бываютъ минуты, когда во имя одной опредѣленной задачи мы временно откладываемъ все другое. Бываютъ минуты, когда для достиженія какой нибудь цѣли, цѣли, которую мы считаемъ наиболѣе важною, непосредственно необходимою, мы мобилизуемъ всѣ силы и откладываемъ все менѣе важное. Такую именно минуту мы переживаемъ теперь“...

Соціализмъ, классовая борьба рабочихъ, революція, борьба за политическое освобожденіе нашей родины — все это, какъ видите, попадаетъ въ разрядъ вещей „менѣе важныхъ“. Какъ же не убрать ихъ въ сторону, какъ не распроститься съ ними на время съ прощальными словами: „покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!“.

Призывъ нежданный. Призывъ небывалый. Призывъ, достойный эпохи, отмѣченной эпидеміей военнаго психоза!

ДВѢ ПОЗИЦІИ.

Въ редакцію газеты „Мысль“ поступило слѣдующее письмо отъ двухъ нашихъ товарищей, членовъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Уважаемые товарищи!

Мы принадлежимъ къ тому же направленію, что и Вы. Съ тѣмъ большимъ вниманіемъ мы читаемъ Вашу газету.

Мы желали-бы высказаться на страницахъ Вашей газеты о происходящей нынѣ европейской войнѣ.

Мы всѣ согласны въ томъ, что война жестокое и ничѣмъ неоправдываемое зло. Ни одинъ изъ насъ не хотѣлъ войны. Каждый изъ насъ, по мѣрѣ своихъ малыхъ силъ, пытался предотвратить ее. Но, вопреки нашей волѣ и нашему желанію, война разразилась. Какъ мы должны относиться къ ней?

Мы отвѣчаемъ слѣдующее:

Мы не можемъ не желать всей душой побѣды Россіи, ибо мы—р у с с к і е и н а ш е й р о д и н ѣ у г р о ж а е т ъ о п а с н о с т ь.

Мы не можемъ не желать всей душой побѣды Франціи, Англіи и Бельгіи, ибо мы, какъ соціалисты-революціонеры, —прежде всего р е с п у б л и к а н ц ы и д е м о к р а т ы.

Желая всей душой побѣды союзникамъ и Россіи, мы, естественно, должны имъ помочь.

П о с л ѣ в о й н ы настанетъ время соціалистической и революціонной борьбы. В о в р е м я в о й н ы мы не вправѣ бороться. Каждый нашъ шагъ неизбѣжно будетъ направленъ не только противъ царя и капитализма, но и на пользу врагамъ союзниковъ и Россіи. Помогать-же имъ, хотя бы косвенно, хотя бы невольно, мы считаемъ смертельнымъ грѣхомъ противъ русскаго народа и нашихъ основныхъ убѣжденій.

Съ товарищескимъ привѣтомъ

Борисъ САВИНКОВЪ

Борисъ МОИСЕЕНКО

* * *

„Мы — русскіе“... Таковъ главный аргументъ, таковъ и основной мотивъ, проникающій собою все письмо товарищей.

Значитъ ли это, что мыслящіе иначе, чѣмъ они, тѣмъ самымъ „не русскіе“?

Нашъ отвѣтъ имъ будетъ кратокъ. Мы не уступаемъ имъ въ сочувствіи западнымъ демократіямъ. Англійскія свободы, республиканскіе принципы Франціи, право нейтралитета Бельгіи—и для насъ незыблемыя цѣнности. Тѣмъ глубже мы ощущаемъ, какое чуждое имъ начало представляетъ современный русскій режимъ.

Мы русскіе, и потому намъ мучительно стыдно за то, что въ разрѣшеніе колоссальнѣйшей міровой трагедіи мы, русскіе, не имѣемъ принести ничего, кромѣ воли русскаго самодержца и превращенной въ его слѣпое орудіе колоссальнѣйшей въ мірѣ арміи.

Мы—русскіе, и потому намъ мучительно-стыдно за то, что дѣло передовыхъ западныхъ демократій такъ часто компрометтируется чужимъ для нихъ по духу, но близкимъ внѣшне союзникомъ.

Мы—русскіе, и потому мы съ возрастающей душевной тревогой слѣдимъ за тѣмъ, какъ разыгрываются аппетиты господствующей у насъ реакціонной партіи; какъ грозятъ они еще болѣе осложнить дѣло западныхъ демократій и уже теперь посѣять между ними и Россіей зерно будущей розни —выставленіемъ самыхъ неумѣренныхъ захватническихъ притязаній.

Мы—русскіе, и потому мы съ возростающей душевной тревогой слѣдимъ, какъ за опасностью германскаго милитаризма уже теперь начинаетъ вырисовываться неменьшая опасность — столь же грубаго и насильническаго царскаго милитаризма.

Мы—русскіе, и потому мы не имѣемъ права закрывать глаза на то, что русскій царизмъ не можетъ не приложить всѣхъ своихъ усилій, чтобы побѣдой тройственнаго согласія возможно меньше были затронуты въ Европѣ монархическія и олигархическія начала.

Мы—русскіе, и потому мы не можемъ равнодушно глядѣть на то, какъ будетъ пользоваться царизмъ побѣдами русскаго оружія, чтобы поднять и внутри страны, и въ Европѣ свой престижъ и свое вліяніе, всегда дѣйствующее въ ущербъ свободѣ народовъ, культурѣ и демократіи.

Мы — русскіе! И потому, передъ лицомъ всѣхъ этихъ опасностей, сливающихся въ одну громадную — вмѣстѣ и русскую и международную — опасность, мы не вправѣ разоружиться.

Мы — русскіе. И потому мы чувствуемъ передъ всѣмъ міромъ колоссальную отвѣтственность за то, что до сихъ поръ не справились у себя дома съ этой опасностью; что нашъ домашній позоръ мы позволяемъ сейчасъ вынести на международную арену и портить его прикосновеніемъ даже правое дѣло. Мы — русскіе, и потому мы не можемъ этого не ощущать, какъ с в о й смертный грѣхъ, какъ свою вину передъ міромъ, передъ всѣмъ человѣчествомъ, — и не можемъ не быть готовыми каждый моментъ и с к у п и т ь е е.

СТРОГОМУ СУДИИ.

„Не судите, да не судимы будете".

„Темы для разговора"... Только „темы для разговора"! Вотъ какъ характеризуетъ въ газетѣ „День" В. Ропшинъ отношеніе къ войнѣ и ея ужасамъ со стороны цѣлой категоріи лицъ. И въ эту категорію онъ зачисляетъ не тѣхъ — или не только тѣхъ, усвоившихъ себѣ лозунгъ „пріятія войны", которые предпочитаютъ не драться на фронтѣ, а поражать нѣмцевъ въ чернильномъ бою, строить планы раздѣла Германіи и сотрясать стогны градовъ и весей воинственными восклицаніями. Нѣтъ, сюда же онъ зачисляетъ и тѣхъ, для кого это „пріятіе войны" несогласимо съ ихъ завѣтнѣйшими убѣжденіями, и кто въ данный моментъ разсуждаетъ на темы о „культурѣ", о „войнѣ и соціализмѣ".

В. Ропшинъ береть тонъ пророка Іереміи и начинаетъ произносить обличительныя рѣчи.

„И я спрашиваю себя: почему одни сражаются, стрѣляютъ шрапнелью, умираютъ, ходятъ ночью въ аттаку, дрожатъ отъ холода, мокнутъ подъ осеннимъ дождемъ, а другіе — л е г к о я з ы ч н о говорятъ о войнѣ? Г д ѣ с о в ѣ с т ь? Г д ѣ с п р а в е д л и в о с т ь? И неужели люди не догадываются, не знаютъ, что настали времена, когда д о с т о й н о м о л ч а т ь? И кто не молчитъ, тотъ подлинно отвѣчаетъ за каждое свое слово. Отвѣчаетъ передъ тѣми, кого уже нѣтъ". („День", № 319).

Странное впечатлѣніе производятъ эти слова. Тѣмъ болѣе странное, что они раздаются — въ русской л е г а л ь н о й прессѣ. Или В. Ропшинъ не знаетъ, что по отношенію ко всѣмъ скептикамъ и противникамъ „пріятія войны“ русская общая и военная цензура давно уже провозгласила любезный его сердцу догматъ: „настали времена, когда достойно м о л ч а т ь“? Или онъ не знаетъ, что въ защиту этого догмата выставлены столь вѣскіе аргументы, что передъ ними остается лишь смириться — такіе аргументы, какъ закрытіе „Завѣтовъ“ и „Русскаго Богатства“, тысячные штрафы, аресты с.-д. конференціи въ Финляндіи, аресты и закрытія обществъ по случаю выпуска с.-р. прокламаціи противъ войны въ Москвѣ? Молчать въ Россіи вообще привычно — недаромъ еще Шевченко съ горечью говорилъ, что въ ней „на всѣхъ языкахъ все мовчить — бо благоденствуе“! И при такихъ условіяхъ не значитъ ли это стучаться въ распахнутыя ворота — заявлять еще въ печати, что о культурѣ, соціализмѣ и войнѣ теперь „достойно молчать“?

Но вѣдь есть еще заграница! Тамъ не молчатъ! Тамъ упорствуютъ въ своемъ правѣ на защиту позицій соціализма и культуры, угрожаемыхъ повѣтріемъ всеобщаго шовинистскаго угара! Упорствуютъ, хотя отдѣльные благоразумные голоса — вродѣ голоса Бориса Савинкова — достаточно внятно заявили, что настали времена, когда „достойно“ не позволять себѣ дѣлать ни единаго шага, направленнаго противъ царя или противъ капитализма. Это правда. Но есть одно правило литературной чести, которое В. Ропшину пора бы знать. А именно: можно бороться противъ кого угодно и чего угодно — но надо бороться честнымъ, равнымъ оружіемъ. И если въ заграничной литературѣ появилось что либо, что В. Ропшину представляется вреднымъ, — онъ можетъ противъ этого выступить въ заграничной же литературѣ. Но переправлять свои вылазки по ту сторону рубежа, выдавать за легкоязычіе чужія рѣчи, которымъ по ту сторону доступъ загражденъ рогатками, и защитникамъ которыхъ тамъ отвѣтить Ропшину не дозволятъ — храбро ли это? Достойно ли это? Не худшій ли это изъ всѣхъ видовъ легкоязычія? И не рискуетъ ли послѣ этого онъ самъ услышать ребромъ поставленный вопросъ: „гдѣ совѣсть? гдѣ справедливость“? „Мнѣ стыдно“, — писалъ В. Ропшинъ въ одной изъ пре-

дыдущихъ своихъ статей. „Стыдно за то, что я не живу въ траншеяхъ, не ночую въ сараѣ, что я здоровъ и что у меня въ рукахъ нѣтъ винтовки“. („День“, № 301). Стыдъ — огромное, великое, очистительное чувство. Но не тогда, когда имъ кокетничаютъ, когда его выносятъ показывать толпѣ на улицы и площади, а только тогда, когда безъ шуму и публичнаго оповѣщенія милостивыхъ государей господъ читателей распространеной газеты дѣлаютъ то дѣло, которое подсказываетъ совѣсть и которое снимаетъ бремя стыда. Иначе—опять таки, не худшій ли видъ легкоязычія будетъ передъ нами?

В. Ропшинъ пишетъ о разныхъ видахъ смерти. И говоритъ: „послѣднею смертью умеръ рабъ нерадивый, умеръ тотъ, кто во время этой страшной войны легкомысленно умылъ руки, не трудился, не плакалъ, не горевалъ, а только всуе разговаривалъ о войнѣ“. Кто, сколько и о чемъ „плакалъ и горевалъ“ — не будемъ объ этомъ спорить. Слезъ не выносятъ на улицу, не вставляютъ въ драгоцѣнную оправу и не носятъ, вмѣсто брильянтовъ, на булавкѣ, втыкаемой въ галстукъ. Къ тому-же плачъ и гореванье—слишкомъ платоническое занятіе, чтобы поставить его наравнѣ съ трудомъ. И пусть повѣрить намъ В. Ропшинъ: не считающіе для себя возможнымъ „пріятіе войны“ посильно трудятся ради дорогого имъ дѣла. Трудятся, и желаютъ того-же самому В. Ропшину.

Намъ не разъ приходилось читать въ статьяхъ В. Ропшина такія, напр., мѣста: „Англичане идутъ на сѣверъ. На сѣверѣ рѣшительный бой.. Дай имъ, Господи, побѣду и одолѣніе“. („День“, № 300). Да не подумаетъ В. Ропшинъ, что мы хотѣли бы смѣяться надъ его религіознымъ настроеніемъ. Пусть всѣ его статьи пересыпаны цитатами изъ Евангелія и Апокалипсиса, пусть онъ ждетъ воскресенія Бельгіи, какъ древле ждали воскресенія Лазаря. Всякое искреннее убѣжденіе для насъ свято. Пусть онъ увѣровалъ и изъ Савла превратился въ Павла. Одно ему нужно бы помнить. Молитва для вѣрующаго—самое интимное изъ всѣхъ его переживаній. И вотъ почему Учитель христіанъ твердилъ имъ, чтобы они не поступали, какъ фарисеи, молящіеся на площадяхъ и углахъ улицъ, а цѣломудренно затворялись въ своей комнатѣ и тамъ предавались чистымъ во-

сторгамъ общенія съ Божествомъ. Нельзя публично и повторно молиться въ корреспонденціяхъ съ театра войны. Къ тому же это амплуа уже занято. Призывать Божіе благословеніе на оружіе и знамена воинствъ—на это есть священники. Да и то больше въ Россіи. А во Франціи и священниковъ призываютъ по просту подъ знамена, считая освященіе мечей молитвой—еще недостаточнымъ „трудомъ“...

Гдѣ же „легкоязычіе“? Кстати ли началъ розыски его В. Ропшинъ? Не достойнѣе ли ему было молчать? Плохо „всуе разговаривать“ о войнѣ, но не всѣ, говорящіе о войнѣ, „всуе разговариваютъ“, и не подобаетъ упрекать въ легкоязычіи тѣхъ, кто отстаиваетъ—хотя бы пока только словомъ—дорогое ему дѣло соціализма, подъ которое война ежедневно и ежечасно ведетъ свои подкопныя работы. Кто не пойдетъ въ этой защитѣ дальше однихъ с л о в ъ, — кто въ рѣшительный моментъ отступитъ передъ д ѣ л о м ъ—тотъ будетъ, конечно рабъ нерадивый. Такъ же какъ тотъ, кто лишь „благословляетъ“ на войну, „молится“ за успѣхи оружія, „положительно относится“ къ волонтерству... но предпочитаетъ не сходить съ почвы чистаго „платонизма“.

Но В. Ропшинъ заранѣе рѣшилъ, что дальше словъ „не пріемлющіе войны“ не пойдутъ. Принявъ пророчески-обличительный тонъ и освоившись съ нимъ, онъ уже успѣлъ усвоить претензіи предсказывать будущее. И онъ предсказываетъ. „На Марнѣ, на Изерѣ, на Энѣ смерть невидимо попираетъ смерть. Тамъ—изъ напоенной кровью земли вскодосится полновѣсный посѣвъ. Здѣсь—не вырастетъ никакое зерно. Тамъ—смерть тѣла. Здѣсь—смерть духа“.

Разные бываютъ посѣвы. И разные всходы. Но рѣдко изъ посѣва „крови и желѣза“ получались всходы братства и человѣческой гармоніи. Чаще — сѣмена новой вражды. Насъ увѣряютъ, что наше зерно совсѣмъ не проростетъ. Намъ пророчатъ «смерть духа». Но насъ вообще такъ часто хоронили, что лишній добровольцъ, присоединившійся къ объединенному «бюро похоронныхъ процессій» нашихъ безчисленныхъ идейныхъ противниковъ, насъ не смутитъ. Ибо въ нашъ вѣкъ, забывшій о чудесахъ, рѣдки истинные, непотрѣшимые пророки. И гораздо чаще—легкоязычные.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПРИМИТИВЫ.

Тов. А. Кубовъ въ новой газетѣ „За Рубежомъ“, вооружившись микроскопомъ, ищетъ „противорѣчій и уклоненій“ въ недавно закрытой французскою военною цензурой газетѣ „Мысль“. Ищите и обрящете. А. Кубовъ блистательно обрѣтаетъ одно „противорѣчіе и уклоненіе“, столь явное и рѣзко бьющее въ глаза, что, приведя для него необходимую цитату, восклицаетъ: „Читая эти строки, недоумѣваешь, какъ онѣ умѣстились на страницахъ „Мысли“. Приходится ихъ признать результатомъ какого то недоразумѣнія, редакціоннаго промаха, тѣмъ болѣе, что такихъ строчекъ, написанныхъ съ такимъ, я бы сказалъ, староэсеровскимъ настроеніемъ уже не встрѣчается у сторонниковъ „Мысли“.

Въ чемъ дѣло? По какому случаю тов. А. Кубовъ такъ себя обезпокоиваетъ?

Въ самомъ дѣлѣ, что это за „староэсеровское“ настроеніе — въ противоположность, очевидно, „новоэсеровскому“ — которое такъ громоздко, что ему даже „умѣститься“ трудно на страницахъ „Мысли“? И гдѣ та эра, то событіе, которое, подобно всемірному потопу, рождеству Христову или первой Олимпіадѣ, стоитъ на рубежѣ этихъ двухъ эпохъ — староэсеровской и новоэсеровской?

А. Кубовъ таинственно молчитъ. Онъ загадалъ намъ загадку — и отошелъ. Ему хорошо, а намъ то каково? Посмотримъ, однако, не принесетъ ли разгадки само это диковинное „неумѣщающееся мѣсто“. Вотъ оно.

„Русскій крестьянинъ — говорилъ въ № 18 „Мысли“ тов. Н. М. — не хотѣлъ войны, но онъ принялъ ее, какъ навязанную извнѣ оборону. Врагъ напалъ — надо защищаться. Надо защищаться самому, надо помочь братьямъ-славянамъ, которыхъ притѣсняетъ нѣмецъ. Но крестьянинъ принялъ войну съ необычайной серьезностью и торжественностью, какъ тяжкое испытаніе, какъ трагическую судьбу. Тотъ подъемъ духа, который вызвала у него война, направился прежде всего на внутреннія язвы. Какъ передъ смертью крестьянинъ надѣваетъ на себя чистую бѣлую рубаху, такъ и вступая въ войну, онъ пожелалъ очистить свою жизнь отъ пьянства“.

Вотъ и все. Только? Только. Вы что нибудь поняли? Нѣтъ? Мы также.

Но разгадку намъ т. Кубовъ все же даетъ. Онъ даетъ ее въ тирадѣ, которою онъ сопровождаетъ приведенную цитату.

„Какъ видите, въ народѣ война вызвала какъ будто и серьезность, и подъемъ духа, и почти религіозную торжественность. И даже цѣли войны понятны ему“.

„Сказано слово — и все объяснилося!“.

Тов. Н. М. въ „Мысли“ хотѣлъ понять и обрисовать психологію наивнаго, по природѣ миролюбиваго, но упорнаго и стойкаго на своемъ крестьянина, котораго намъ стараются выдать за вдохновеннаго носителя идеи „славизма“ противъ враждебнаго и ненавистнаго „германизма“. Ничего подобнаго онъ въ крестьянской психикѣ не находитъ. А находитъ лишь естественно-упрощенное, примитивное объясненіе возникновенія данной войны, находитъ трогательную простоту, готовность перенести все тяжкое, что ни пошлетъ рокъ — ему не впервой сносить непереносное и претерпѣвать нестерпимое — и еще ту глубокую, почти мистическую, торжественность, которая свойственна непочатой, сырой, черноземной силѣ передъ лицомъ опасности, въ отличіе отъ тѣхъ „легковѣсныхъ“, на поверхности плавающихъ, элементовъ, которые нуждаются въ крикливости, въ опіумѣ звонкихъ фразъ, въ ходульности широковѣщательныхъ мнимо-теоретическихъ формулъ, чтобы заглушить внутреннее безпокойство и неустойчивость.

Но, ради всѣхъ боговъ древняго и новаго времени, гдѣ же здѣсь указаніе, будто „и даже цѣли войны понятны ему“? Неужели тов. А. Кубовъ считаетъ и авторовъ „Мысли“ столь же наивными и непочатыми людьмы, какъ тотъ крестьянинъ, который и краемъ уха не слыхалъ ни о какихъ имперіализмахъ и ни о какихъ великодержавныхъ системахъ мірового и европейскаго равновѣсія путемъ составленія огромныхъ политическихъ трестовъ вродѣ Тройственнаго Согласія и Тройственнаго Союза, со всѣмъ сложнымъ переплетомъ ихъ многообразныхъ, то совпадающихъ, то расходящихся интересовъ во всѣхъ частяхъ земного шара? Неужели этотъ политическій примитивъ: „надо защищаться самому, надо помочь братьямъ-славянамъ, кото-

рыхъ притѣсняетъ нѣмецъ" хотя бы въ какой нибудь отдаленной степени намекаетъ на исчерпывающую формулу причинъ и цѣлей данной всемірной войны?

Приключеніе, случившееся съ т. А. Кубовымъ, понятно. Его формула, — это „быть вмѣстѣ съ народомъ". И эту формулу онъ понимаетъ немножко примитивно. И когда тов. Н. М. описываетъ трогательное, но все же слишкомъ запечатлѣнное печатью стихійной элементарности отношеніе крестьянина къ войнѣ, то тов. А. Кубову сейчасъ же кажется, что онъ принижаетъ свое собственное отношеніе къ войнѣ до уровня этого примитивно-крестьянскаго отношенія. И, такъ «поняв» прочитанное, вмѣсто того, чтобы упрекать тов. Н. М. за мнимое приниженіе своихъ формулъ до уровня народныхъ, что дѣлаетъ тов. А. Кубовъ? — приходитъ въ восторгъ и начинаетъ по слишкомъ очевидному недоразумѣнію слишкомъ странныя рѣчи о какомъ то воскресшемъ «староэсеровскомъ» настроеніи, котораго онъ, къ его горю, больше не встрѣчалъ на страницахъ «Мысли».

Нѣтъ, т. А. Кубовъ, извините меня, но то «настроеніе», которое вы вложили въ наши слова о крестьянскомъ «пріятіи войны» есть не наше, а ваше настроеніе. Оно не «староэсеровское» и не «новоэсеровское», потому что оно совсѣмъ не «эсеровское». Оно просто «до-эсеровское», и даже болѣе того. Оно есть настроеніе примитивнаго народничества, того самаго примитивнаго народничества, которому въ свое время такъ много непоправимыхъ и неизлѣчимыхъ ударовъ нанесъ Н. К. Михайловскій... Того народничества, для котораго руководящимъ принципомъ были не интересы, а мнѣнія народа, которое возводило въ норму пассивное приспособленіе къ народной психологіи. Народничества, которое изъ даннаго выше анализа психики «пріявшаго войну» крестьянина, немедленно вывело бы для себя очень ясную и несложную «линію партійной тактики»: надѣвай всѣ чистыя бѣлыя рубахи, и шагомъ-маршъ, разъ-два!

Политическіе примитивы! Политическіе примитивы! Они такъ захватили т. А. Кубова, что весь языкъ, на которомъ онъ говоритъ — какая то причудливая смѣсь трехъ элементовъ: былого языка интернаціональнаго соціализма, при-

митивныхъ формулъ «народнаго пріятія войны» и еще болѣе плоскихъ формулъ расхожаго газетнаго жаргона нашихъ легальныхъ патріотическихъ „публицистовъ“.

У него все есть. И „армія, цвѣтъ націи“, и «единое чувство и единая воля» страны, и „Россія, демократическая по существу“, и „народъ ведетъ войну“, и „напавшій нѣмецъ“, и „реакціонный германизмъ“. Всѣ жупелы и всѣ цвѣты краснорѣчія извѣстнаго рода прессы. Читаешь и диву даешься: какъ умѣщаются они на страницахъ изданія, которое само для себя, для своего сознанія еще не стало за рубежомъ — соціализма!

И хочется напомнить тов. А. Кубову, что ужъ онъ то могъ бы удовольствоваться меньшимъ — хотя бы одними запугиваніями «ненавистнымъ врагомъ — кайзеризмомъ» (русская поговорка гласитъ, что „чужой клопъ больнѣе кусаетъ“), а „реакціонный германизмъ“ и „нѣмца“ оставить въ покоѣ. Вѣдь онъ подписывался подъ Лондонской резолюціей, а она, при всѣхъ ея недостаткахъ, все же рѣшительно отклонила всякую враждебность по отношенію къ „нѣмцу“ и „германизму“, какъ таковому, ограничивъ ее германскимъ правительствомъ. И хочется напомнить ему, что онъ уже по одному тому не смѣетъ называть „пониманіемъ цѣлей войны“ рѣчи о необходимости „защититься отъ напавшаго нѣмца“ и „помочь братьямъ-славянамъ“, что въ той же, подписанной имъ, Лондонской резолюціи недвусмысленно признается, что „всѣ правительства несутъ свою долю отвѣтственности“ въ войнѣ, на которой лежитъ ясно выраженная печать общаго режима „политики колоніальныхъ завоеваній и агрессивнаго имперіализма“.

Хорошо быть „вмѣстѣ съ народомъ“, но не въ его примитивизмѣ, не въ его слабыхъ, а въ его сильныхъ сторонахъ. И вотъ что я укажу тов. Кубову въ той характеристикѣ народнаго настроенія, которая была дана на страницахъ „Мысли“ и которая такъ ему понравилась. „Тотъ подъемъ духа, который вызвала у крестьянина война, направился прежде всего на внутреннія язвы“.

„Направлять подъемъ духа прежде всего на внутреннія язвы!“. Но вѣдь это и есть основной лозунгъ „Мысли“, красной нитью проходящій черезъ всѣ ея страницы! И

чѣмъ же откликается на этотъ лозунгъ т. А. Кубовъ? А вотъ чѣмъ: „Любой р у с с о ф о б ъ, говоритъ онъ, можетъ позавидовать тѣмъ смѣлымъ обобщеніямъ, тому безпощадному приговору надъ Россіей, н а д ъ н а м и, р у с с к и м и, какіе приходится встрѣчать на страницахъ „Мысли“.

Кто только во имя „любви къ отечеству и народной гордости“ не обвинялъ во враждѣ ко всему русскому людей будущаго! Обвиненіе въ „руссофобіи“, предъявленное еще къ Герцену Катковымъ, Леонтьевымъ и Чичеринымъ, съ тѣхъ поръ переходитъ по наслѣдству „отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ сыновьямъ“, какъ неотъемлемое заповѣдное имущество. А. Кубову зачѣмъ то понадобилось пріобщиться къ этому природному идейному имуществу русской реакціи. „Одна была у волка пѣсенка, и ту надо было перенять“. Таковъ печальный, но естественный финалъ новѣйшаго зарубежнаго политическаго примитивизма.

НА ОДНОМЪ ПРИМѢРѢ.

Въ „Новостяхъ“ появилась статья, подписанная именемъ Александрова, и озаглавленная „На примѣрѣ Италіи“. До чего можетъ довести людей логика однажды занятой ложной позиціи—не трудно видѣть „на примѣрѣ“ этой статьи и ея автора.

За подписью Александрова была раньше напечатана въ газетѣ „За Рубежомъ“ статья, составленная въ такомъ духѣ и съ такими пріемами, какъ будто ее писалъ не соціалистъ и не революціонеръ, а „гусаръ, на саблю опираясь“. Въ ней онъ, между прочимъ, поступилъ „по военному“ съ соціалистами, непріемлющими войну: онъ просто на просто исключилъ ихъ изъ будущаго Интернаціонала. За одно онъ прихватилъ сюда же и соціалистовъ нейтральныхъ странъ, яко „умывшихъ руки“. Его явно ввелъ здѣсь въ соблазнъ, —вопреки евангельскому завѣту „горе вамъ, еже соблазните единаго отъ малыхъ сихъ“ — все тотъ же необузданный и неисправимый Гюставъ Эрве, давно открывшій ту истину, что никто въ мірѣ не имѣетъ права оставаться нейтральнымъ, если Франція воюетъ, и на этомъ основаніи обозвавшій всѣхъ соціалистовъ не воюющихъ странъ „Понтійскими

Пилатами". Вдохновившись этими открытіями, нашъ маленькій русскій эрвеистъ нашелъ себѣ занятіе: очистить, при свѣтѣ ихъ, будущій Интернаціоналъ. И пошла писать губернія! На страницахъ нашей газеты кто то, пожавъ плечами, отмѣтилъ этотъ комическій „выходъ". Тогда бравый Александровъ, со свойственной ему догадливостью, едва ли не умозаключилъ, что писатели изъ „Жизни" обезпокоены грозящимъ имъ исключеніемъ, и великодушно разъяснилъ, что онъ имѣлъ въ виду не формальное исключеніе, а лишь моральную нетерпимость, невозможность положенія „понтійскихъ пилатовъ" и „непріемлющихъ войну" на будущихъ международныхъ конгрессахъ. И здѣсь онъ, поистинѣ, забылъ, что есть предѣлы, за которыми комичное перестаетъ возбуждать смѣхъ и становится противнымъ,—въ данномъ случаѣ, вызывающимъ чувство отвращенія развязностью и назойливой самоувѣренностью. Политическій младенецъ съ гусарскими замашками въ литературѣ, взбирающійся на пьедесталъ верховнаго моральнаго судіи и берущійся судить о нравственномъ правѣ борцовъ за интернаціонализмъ показываться на ассизахъ будущаго Интернаціонала—не слишкомъ ли это даже для нашего нелѣпо-сумбурнаго времени?

Но Александрову явно понравилось дѣлать на газетной бумагѣ смотръ Интернаціоналу, строить его въ три шеренги и „распоряжаться" съ непокорными. Онъ обрѣлъ въ этомъ, видимо, свое истинное жизненное призваніе. Сейчасъ, когда разыгралась „недѣля объ Италіи", онъ, естественно принялся за итальянскихъ соціалистовъ. Первая „проба пера" была имъ сдѣлана еще въ № 241, гдѣ онъ заявилъ:

„Мы предоставляемъ доктринерамъ отъ соціализма и всѣмъ называющимъ себя „истинными интернаціоналистами" вопить вмѣстѣ съ клерикальными итальянскими организаціями и бандитомъ Джіолитти, что вмѣшательство Италіи—безуміе. Не лишнее отмѣтить, что когда Джіолитти велъ хищническую войну въ Ливіи, протестующій голосъ интернаціоналистовъ не возвышался до нынѣшнихъ высокихъ нотъ, хотя тогда шелъ грабежъ туземцевъ".

Всякій с о в ѣ с т л и в ы й единомышленникъ Александрова не можетъ не знать, что это—клевета, и притомъ клевета изъ самыхъ злобно-недобросовѣстныхъ. Тѣ самые соціалисты, которые сейчасъ р а в н о враждебны и „бандиту Джі-

олитти“ и ни въ чемъ не уступающимъ ему его „преемникамъ“—эти соціалисты свой протестъ противъ триполитанской авантюры возвысили въ свое время до попытки в с е о б щ е й с т а ч к и. Правда, тогда же отъ нихъ отпалъ цѣлый рядъ „воинственныхъ“ соціалистовъ, „пріявшихъ“ триполитанскую войну „хотя тогда шелъ грабежъ имуществъ“. Но эти „отпавшіе“ —они то и суть ближайшая родня Александрова съ братіей: въ итальянскомъ соціалистическомъ лагерѣ они то и на этотъ разъ первые пріяли войну, они то и явились первыми проповѣдниками „интервенціонизма“... Вопреки имъ, итальянская соціалистическая партія, не смущаясь націоналистическимъ ревомъ, все время войны въ Африкѣ вела политическую линію непримиримой оппозиціи и за это заслужила горячія симпатіи и глубокія чувства уваженія всего соціалистическаго Интернаціонала; вопреки имъ и теперь итальянская соціалистич. партія осталась вѣрной своимъ прежнимъ лучшимъ традиціямъ. Inde ira. Отсюда—злоба противъ нея всѣхъ тѣхъ, передъ кѣмъ она стоитъ живымъ, воплощеннымъ укоромъ.

Александровъ поетъ гимны „пріемлющей войну Италіи“ —„Главная масса ея—подлинный итальянскій народъ, широкая демократія, все студенчество, вся демократическая пресса, всѣ соціалисты-реформисты, значительная часть соціалистовъ, отколовшихся вмѣстѣ съ редакторомъ „Аванти“ Муссолини отъ нейтралистовъ, большая часть синдикалистовъ, всѣ гарибальдійцы, всѣ республиканцы, вся радикальная оппозиція и громадное большинство радикаловъ“.

Какъ видите, Александровъ не позабылъ выдать дипломъ на принадлежность къ составу „подлиннаго итальянскаго народа“ всѣмъ отщепенцамъ, изгоямъ и ренегатамъ соціализма. Безъ этого диплома онъ оставилъ лишь — организованное ядро настоящаго, революціоннаго соціализма, объединенную итальянскую соціалистическую партію, которая, вмѣстѣ съ конфедераціей труда, и сейчасъ, какъ во время триполитанской войны, имѣетъ мужество плыть противъ теченія.

Онъ предпочелъ также позабыть, что войну единогласно „пріяла“ вся консервативная партія подъ руководствомъ Соннино, почти вся умѣренно-либеральная партія, въ томъ

числѣ девять десятыхъ джіолиттіанцевъ, и девять десятыхъ депутатовъ, избранныхъ въ силу извѣстнаго договора съ Ватиканомъ, т. е. явныхъ и тайныхъ клерикаловъ. Но онъ не забылъ про горсть клерикаловъ и джіолиттіанцевъ, бывшихъ противъ войны. И, пользуясь тѣмъ, что соціалисты не очень то много заботились объ отграниченіи своего интернаціоналистскаго нейтрализма отъ корыстнаго торгашескаго нейтрализма буржуазныхъ дѣльцовъ—считая это различіе слишкомъ самоочевиднымъ—Александровъ пытается инсинуировать, будто соціалисты не совсѣмъ чужіе „интригѣ Джіолитти-Бюлова“, про которую въ томъ же органѣ истерически кричитъ „сихъ и иныхъ дѣлъ мастеръ“ Г. А. Алексинскій, и будто они „обѣщаютъ и уже даютъ поддержку“ Джіолитти. Это опять прямая л о ж ь, и притомъ самая безстыдная. Всякій с о в ѣ с т л и в ы й единомышленникъ Александрова знаетъ, что къ Джіолитти итальянскіе соціалисты стоятъ въ такой же непримиримой оппозиціи, какъ и къ Соннино-Саландрѣ, что именно соціалисты заставили его своими неустанными аттаками удалиться отъ власти, и что теперь они нисколько не перемѣнили къ нему своего принципіальнаго отношенія. Только самые безстыдные націоналистическіе листки въ Италіи вопреки всякой очевидности пробовали инсинуировать, будто это вражда — лишь показная и лицемѣрная, и будто подъ ея прикрытіемъ между соціалистами и джіолиттіанцами происходили какіе-то переговоры и соглашенія. Но Александровъ противъ итальянскихъ соціалистовъ готовъ поднять комокъ грязи, брошенный изъ подъ любой литературной подворотни. Что съ ними церемониться—вѣдь это „умывшіе руки“! Но подумалъ ли онъ самъ, какъ удастся ему о т м ы т ь отъ этой пристающей къ рукамъ грязи—свои собственныя руки? Или ему хорошо „и не умывая рукъ“?

Чтобы закрѣпить свою моральную связь съ разношерстнымъ шовинистскимъ блокомъ, объединившимъ противъ соціализма пеструю итальянскую „улицу“,—ресторанныхъ политиковъ, студентовъ, лаццарони, интеллигентную богему, уличныхъ фланеровъ, обрѣтшихъ своего національнаго вождя въ самовлюбленномъ рекламистѣ Анунціо и не брезгающихъ никакими низкопробными средствами въ борьбѣ противъ своихъ противниковъ — Александровъ спѣшитъ во всемъ,

вполнѣ и всецѣло спуститься до ихъ моральнаго уровня. И онъ пишетъ:

„Къ воротамъ Италіи, варвары“!—ревѣла толпа германскому депутату Эрцбергеру, и въ этомъ крикѣ была цѣлая программа недовѣрія и презрѣнія къ народу, удушающему изъ-за своихъ личныхъ интересовъ демократію цѣлыхъ странъ“...

Въ этой фразѣ — весь Александровъ, во всю величину своего умственнаго и нравственнаго роста. Даже Лондонская Конференція, поспѣшившая дать всѣмъ сторонникамъ „тройль-антантъ-соціализма“ надлежащій тонъ—воздержанія отъ смѣшенія всего германскаго народа съ правительствомъ и дирижирующими классами—его ничему не научила. Ничто же сумняшеся, онъ, захлебываясь отъ восторга, кричитъ о „цѣлой программѣ“ человѣконенавистническаго отношенія, —„недовѣрія и презрѣнія“—къ цѣлому народу, цѣлой націи, едва ли не цѣлой расѣ. Передъ нами—откровенный и грубый антигерманизмъ, такой же морально-безобразный и политически-реакціонный, какъ и антисемитизмъ, какъ и всѣ другія подобныя же національныя и націоналистическія „фобіи“. Всякій, конечно, выбираетъ себѣ идеологію въ мѣру своего умственнаго и нравственнаго роста. Но когда въ такія „идеологіи“ впадаютъ бывшіе революціонеры и соціалисты, то по ихъ адресу просится на уста то настоящее слово, жестокое, безпощадное слово котораго заслужили иныя ихъ выступленія. И отъ произнесенія этого слова, — отступничество, — насъ удерживаетъ только то, что въ данномъ частномъ случаѣ, вѣрнѣе всего, основой является не оно, а просто—крайняя степень недомыслія.

POST-SCRIPTUM. — У Александрова есть достойный сподвижникъ, важно подписывающійся въ „Русск. Вѣд.“ „лейтенантъ французской арміи В. Лебедевъ“. Онъ недавно открылъ, что „есть слова, есть названія, которыя слѣдовало бы изобрѣсти, если бы ихъ не было, и которыя оказываютъ громадныя услуги народу“. Таковы слова „боши“, „Бошія“, „Австро-Бошія“...

О да, для русскаго квасного патріота нѣтъ „евреевъ“, но есть „жиды“. И такъ же точно для французскаго квасного

патріота нѣтъ „германцевъ“, но есть „боши“. И лейтенантъ Лебедевъ ликуетъ...

„Передъ войной всякій французъ зналъ, что германецъ чрезвычайно силенъ и могущественъ. Что германецъ жестокъ. Что германецъ все способенъ снести на своемъ пути... И было что то страшное и таинственное въ этой германской силѣ и въ самомъ словѣ—германецъ“. Но вотъ марнская побѣда принесла съ собой „замѣчательное открытіе“. „Оказалось, что нѣмецъ—вовсе не германецъ, страшный, таинственный,—а просто—„бошъ“! Именно—бошъ“! „Бошъ—это что то такое не то кругловатое, не то квадратное, грубое, жестокое и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшное“...

Но нашъ лейтенантъ умѣетъ быть не только смѣшливымъ, но и глубокомысленнымъ. Онъ серьезно объясняетъ, какъ благодатно отразилось на духѣ войскъ это с л о в о, какое это „важное военное средство“ и „крупное военное открытіе“. Да еще все время приговариваетъ: „я не шучу“, „я не боюсь упрека въ парадоксальности“. И наконецъ, въ торжественномъ стилѣ восклицаетъ: „я почувствовалъ геніальность народнаго творчества, умѣющаго въ безсмысленномъ на первый взглядъ сочетаніи звуковъ уловить и заклеймить!“ и т. д., и т. д.

Читатель, конечно, уже „почувствовалъ всю геніальность“ самого В. Лебедева, „умѣющаго въ безсмысленномъ на первый взглядъ сочетаніи“ фразъ ярко показать, на что способны бѣдныя „жертвы общественнаго темперамента“ нашего патріотическаго времени. Читатель, готовъ уже, быть можетъ спросить—что за охота намъ заниматься какими то лейтенантскими пошлостями и благоглупостями? И не проще ли, увидавъ, какъ В. Лебедевъ скалитъ зубы по поводу нѣмецкой обиды и злости „противъ трехъ безобидныхъ, соединенныхъ въ одно совершенно произвольное слово буквъ б-о-ш-бошъ“—спросить, что самъ онъ думаетъ о другомъ сочетаніи, изъ п я т и не менѣе безобидныхъ буквъ? Увы! Разбросанные въ фельетонахъ В. Лебедева указанія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ нашъ, этотъ живой носитель проповѣдуемой Александровымъ „пѣлой программы недовѣрія и презрѣнія къ народу, который . . .“ и т. д. Съ чѣмъ мы и можемъ себя поздравить!

МОИ ОТВѢТЪ... И МОЙ СОВѢТЪ.

Въ № 2 газеты „За Рубежомъ“ редакція вчиняетъ мнѣ нѣкій литературный „моральный“ искъ.

Оказывается, во первыхъ, что я „осыпалъ градомъ оскорбленій“ одного изъ сотрудниковъ Новостей — „нашего товарища Александрова“.

Мало того, что я высмѣиваю его. „Гарденинъ употребляетъ по адресу Александрова еще гораздо болѣе хлесткіе эпитеты. Онъ называетъ нѣкоторыя изъ утвержденій послѣдняго „прямой ложью и притомъ самой беззастѣнчивой“. Онъ обвиняетъ его въ „клеветѣ злобно недобросовѣстной“. И т. д., и т. д.

Смѣю замѣтить почтенной редакціи, что врядъ ли она права, квалифицируя все это, какъ „хлесткіе эпитеты“. Нѣтъ, товарищи, это не „эпитеты“ только, а нѣчто гораздо болѣе жесткое и тяжкое. Это—вполнѣ конкретныя обвиненія. Такъ, когда Александровъ пытается представить вѣрную принципамъ интернаціонализма Итальянскую соціалистическую партію, какъ соучастницу „интриги Джіолитти Бюлова“, то я не могу назвать этого инымъ словомъ какъ самая возмутительная и зловредная ложь. И тоже скажутъ всѣ итальянскіе соціалисты, исключая развѣ отщепенцовъ и ренегатовъ. И когда къ этому Александровъ еще прибавляетъ, будто бы итальянскіе соціалисты не проявляли такого же „интернаціонализма“, какъ нынѣ, во время Триполитанскаго грабежа туземцевъ, то при всемъ желаніи я никакъ не могу пріискать для этого другого имени, какъ злостная клевета. И то же скажутъ даже всѣ честные политическіе противники итальянскаго соціализма.

И я дѣлаю публичный вызовъ редакціи „За Рубежомъ“: рѣшится ли она на себя принять нравственную отвѣтственность, рѣшится ли она сдѣлать своимъ навѣтъ Александрова, будто итальянскіе соціалисты-интернаціоналисты принимали участіе въ интригахъ джіолиттіанцевъ и будто во время триполитанской авантюры они благоразумно умѣряли свой интернаціоналистскій пылъ? Пусть попробуетъ!

Но другого выбора нѣтъ. Или она должна поддержать допущенную на ея страницахъ попытку оклеветанія итальянской секціи Интернаціонала, или она должна „выдать головой“ автора этой попытки. Но у нея не хватаетъ нравственной смѣлости ни на то, ни на другое. Она молчитъ, она упорно отмалчивается по существу, — но за то словоохотливо расточаетъ жалобы на то, что я „осыпалъ градомъ оскорбленій“ ея сотрудника! Она охотно расточаетъ „слова, слова, слова“ о моихъ „полемическихъ пріемахъ“, она избираетъ „благую часть“ голословныхъ жалобъ на какія то „передержки, искаженіе фактовъ“, какъ будто это — не самая яркая и наглядная выдача самимъ себѣ „свидѣтельства о бѣдности“!

Впрочемъ, въ одномъ пунктѣ редакція „За Рубежомъ“ пытается фактически доказать одно изъ своихъ утвержденій — а именно, что я спустился до „личныхъ нападокъ“ и „недостойныхъ соціализма полемическихъ пріемовъ“.

Какихъ это?

Объясненіе редакціи „За Рубежомъ“ довольно забавно. Я, видите ли, говорю въ одномъ мѣстѣ „бравый Александровъ“, въ другомъ мѣстѣ — что Александровъ „расправляется по военному съ соціалистами, непріемлющими войну“, въ третьемъ — что онъ „строитъ интернаціоналъ въ три шеренги“, въ четвертомъ — что вообще статьи его производятъ такое впечатлѣніе, будто ихъ писалъ не соціалистъ, а „гусаръ, на саблю опираясь“.

„Соль всѣхъ этихъ „остроумныхъ“ выходокъ станетъ понятна читателямъ, если мы скажемъ имъ, что т. Александровъ служитъ добровольцемъ въ одномъ изъ французскихъ кавалерійскихъ полковъ“ — замѣчаетъ редакція.

Сколько наивности еще можетъ вмѣщаться въ коллективной многодумной головѣ иной редакціи!

Мы всѣ, читатели „Новостей“, очень благодарны за сообщеніе намъ внѣ-литературнаго свѣдѣнія, что подпись „Александрова“ украшаетъ перо „добровольца въ одномъ изъ французскихъ кавалерійскихъ полковъ“. Но, признаться сказать, это обстоятельство намъ довольно безразлично. „Не то бѣда“, что Александровъ — кавалеристъ французской арміи. Онъ можетъ имъ быть или не быть: къ его статьямъ

это ничего не прибавить и ничего отъ нихъ не убавить. „А то бѣда“, что у него „кавалерійскія“ замашки въ литературѣ. Если бы Александровъ производилъ лихіе наѣзды на прусскихъ улановъ—это оставалось бы внѣ области нашей критики. Но бѣда въ томъ, что онъ производитъ лихіе наѣзды на итальянскій соціализмъ за ведомую послѣднимъ „войну противъ войны“ и въ этихъ наѣздахъ „рубитъ, колетъ, рѣжетъ“ и фактическую правду-истину, и соціалистическую правду-справедливость. „Не то бѣда“, что къ услугамъ Александрова хорошій боевой конь французской кавалеріи. Бѣда въ томъ, и тогда, когда онъ усаживается на своего плохого литературнаго конька и, пришпоривъ его, слишкомъ смѣло „беретъ препятствія“ этическія, логическія и историческія. До приватной жизни и дѣятельности сотрудниковъ „Новостей“ и „За Рубежомъ“ намъ нѣтъ никакого дѣла. Если иные изъ нихъ смѣнили штатскую одежду на военную, а соціалистическое перо или революціонный браунингъ на штыкъ казеннаго образца, то на ихъ персональное рѣшеніе поставленной войною нравственной проблемы никто въ нашей средѣ не покушается. Персональные вопросы не подлежатъ литературно-общественному разбирательству. Но когда кто нибудь изъ сотрудниковъ „Новостей“, „будь онъ военный, будь онъ штатскій“, выступаетъ, подобно Александрову, съ проповѣдью своеобразнаго „штыкъ соціализма“, то да извинятъ насъ всѣ его газетные коллеги, но мы считаемъ своимъ неотъемлемымъ правомъ—и вмѣстѣ повелительною обязанностью—отдать ему въ литературѣ должное. „Ему же убо честь—честь; ему же убо дань—дань; а ему же убо урокъ—урокъ“.

И—договорить ли до конца „мораль несложную несложной басни сей“? Редакція „За Рубежомъ“ на будущее время поступитъ гораздо остроумнѣе, если въ наши литературно-политическіе споры не будетъ впутывать внѣ-литературныхъ свѣдѣній о частныхъ занятіяхъ своихъ сотрудниковъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда окажется, что „подкопы подъ Интернаціоналъ“ ведетъ служащій въ саперахъ, а за обычнымъ мечтаніямъ о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ современной войны предается занятый въ военной авіаціи. И знаете почему? Хотя бы уже по одному то-

му, что иные исконно штатскіе сотрудники „друговраждебной“ намъ газеты по части „штыкъ-соціализма“ дадутъ не мало очковъ впередъ любымъ военнымъ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ТОВ. ЕВГЕНЬЕВУ.

Дорогой товарищъ.

Я обращаюсь къ Вамъ во второмъ лицѣ, вмѣсто того, чтобы говорить о Васъ въ третьемъ лицѣ, — не случайно. Съ большинствомъ Вашихъ товарищей по газетамъ „За Рубежомъ“ и „Новости“ едва ли у насъ сейчасъ мыслимъ плодотворный разговоръ. Приходится говорить не съ ними, а о нихъ. Настолько представляются мнѣ утерянными общіе исходные пункты, настолько разнымъ сталъ языкъ, на которомъ мы говоримъ.

Съ Вами у насъ этотъ общій языкъ и эти общіе исходные пункты еще какъ будто не утрачены, хотя уже есть на лицо зловѣщіе признаки, заставляющіе усумниться въ завтрашнемъ днѣ. Но „довлѣетъ дневи злоба его“. Ухватимся же пока за то общее, что у насъ остается. Попытаемся, исходя изъ общихъ отправныхъ точекъ, идти дальше сообща, разсуждать вмѣстѣ.

„Какъ возстановить Интернаціоналъ?“ — вотъ вопросъ, занимающій насъ съ Вами. Конечно, чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно опредѣлить причину крушенія Интернаціонала. Ибо нельзя устранить послѣдствій, не затрагивая причины. Въ пониманіи же причины или одной изъ главныхъ причинъ — Вы съ нами совершенно сходитесь.

Интернаціоналъ умеръ жалкой, некрасивой смертью. Въ теченіе полувѣка призывавшій трудящихся къ международной солидарности и братству, проповѣдывавшій ненависть къ войнѣ и милитаризму, онъ не сдѣлалъ ни одного активнаго шага, ни одного рѣшительнаго жеста, чтобы помѣшать разразиться надвигавшейся катастрофѣ. И при первыхъ же раскатахъ военной грозы Интернаціоналъ развалился, какъ карточный домикъ. Конечно, болѣе чѣмъ возможно, что и активное выступленіе Интернаціонала не могло бы избавить человѣчество отъ обрушившагося на него бѣдствія.

Но во всякомъ случаѣ, Интернаціоналъ умеръ бы честной и славной смертью, онъ встрѣтилъ бы смерть „лицомъ къ лицу, какъ въ битвахъ слѣдуетъ бойцу“. И эта смерть была бы залогомъ скораго воскресенія, залогомъ новой, быть можетъ, болѣе яркой и полной жизни.

Такъ пишете Вы („За Рубежомъ“, № 1, стр. 3). Золотыя слова! Подписываемся подъ ними обѣими руками. Это какъ разъ то, что мы все время говорили и отстаивали. Что изъ этого слѣдуетъ для будущаго?

Для будущаго, кажется, изъ этого можетъ слѣдовать лишь одно. Чтобы возродить Интернаціоналъ, надо найти для соціалистовъ, — для соціалистовъ нейтральныхъ и воюющихъ странъ, для соціалистовъ по ту и по эту сторону окоповъ и проволочныхъ заграждений — одно общее д ѣ л о. Дѣло, требующее отъ нихъ всѣхъ проявленія д ѣ й с т в е н н о й энергіи. Дѣло, выражающееся не только въ словахъ, но и въ осязательныхъ актахъ, дѣло, требующее открытыхъ выступленій, борьбы и жертвъ.

Вы, повидимому, не станете возражать противъ этого логически необходимаго вывода. Вы сами говорите на слѣдующей страницѣ: „Для того, чтобы возродился Интернаціоналъ, недостаточно созвать соціалистовъ на интернаціональный конгрессъ; для этого должна быть найдена общая почва дѣйствія для соціалистовъ хотя бы одной Европы“. Прекрасно. Будемъ искать ее. Вы ищете и находите такой общей почвой въ данный моментъ могла бы быть только борьба за миръ, основанный на принципахъ свободы національностей. И здѣсь мы не будемъ Вамъ противорѣчить. Кому же не ясно, что другой общей почвы для соціалистовъ найти нельзя — если не считать „общей почвой“ эту п о ч в у Карпатскихъ горъ, береговъ Вислы, лѣсовъ Аргонны и склоновъ Верхняго Эльзаса, которая изрыта траншеями, разворочена снарядами и минными подкопами, полита кровью и удобрена трупами павшихъ.

Покуда мы шли съ Вами логически по одной дорогѣ. Но вотъ мы достигаемъ пункта, гдѣ наши дороги вдругъ рѣзко расходятся въ разныя стороны.

Да, говорите Вы, „общая почва дѣйствія“ и ея лозунгъ найдены. Логически это не только безупречно правильный,

но это еще того болѣе — единственный выходъ. Бѣда лишь въ томъ, что, неизбѣжный логически, онъ совершенно неосуществимъ практически. „Весь трагизмъ положенія — говорите Вы — въ томъ именно и заключается, что такая общая борьба, въ виду реальныхъ условій дѣйствительности, для соціалистовъ ряда странъ сейчасъ невозможна“. Что же это за „реальныя условія“? Вы отвѣчаете: занятіе нѣмецкими войсками почти всей Бельгіи и сѣвера Франціи. Не знаю, случайно или не случайно вы опускаете при этомъ занятіе Галиціи и части Буковины. Стоитъ сдѣлать это добавленіе — и будетъ ясно, что въ аргументаціи есть какой то lapsus. Когда ведется война, то ясно, что она должна вестись на чьей либо территоріи. Нельзя воевать „на границѣ“, ибо граница есть лишь мысленная линія, геометрическая ломанная или кривая, на которой нельзя умѣстить не только сраженія, но и вообще ровно ничего. И если занятіе какой либо территоріи считать непреодолимымъ препятствіемъ для борьбы за миръ, то ужъ надо сказать проще, что во время войны вообще за миръ никогда соціалистамъ бороться нельзя.

Это ли Вы хотите сказать? Тогда будьте по крайней мѣрѣ послѣдовательны. Капитулируйте прямо передъ самой новѣйшей теоріей Каутскаго, которая гласитъ: эта война не есть кризисъ Интернаціонала, а лишь кризисъ нашихъ преувеличенныхъ представленій объ Интернаціоналѣ. Она учитъ насъ познать предѣлы интернаціонализма. Ничто въ природѣ не безгранично. Не безгранична и примѣнимость интернаціонализма. Именно, она ограничена рамками мирнаго времени. Интернаціоналъ по природѣ своей есть „рабочее орудіе мирнаго времени“ — Werkzeug des Friedens. Въ военное время его приходится отложить въ сторону. Можетъ быть со вздохомъ, но все же отложить. И, разставаться съ нимъ со словами „покойся, милый прахъ, до радостнаго утра“.

Но, можетъ быть, Вы хотите сказать не это. Возможно. Тогда остается еще такое толкованіе Вашихъ словъ. Во время войны въ каждый данный моментъ непостоянство военнаго счастья не можетъ остаться безъ вліянія на распредѣленіе „моральнаго долга“ между соціалистами разныхъ

странъ. Кому больше дано, съ того больше и взыщется. Нельзя требовать максимума активности въ смыслѣ борьбы за миръ отъ бельгійскихъ соціалистовъ, чья страна находится подъ грубымъ солдатскимъ сапогомъ насильника, и минимума активности—отъ нѣмецкихъ соціалистовъ. Какъ разъ наоборотъ. Въ каждый данный моментъ соціалисты той страны, чье военное положеніе всего благопріятнѣе, могутъ дѣйствовать съ развязанными руками, ихъ в о з м о ж н о с т и шире. Шире и о б я з а н н о с т и ихъ. Ибо тотъ, кто въ войнѣ наступаетъ, побѣждаетъ, вторгается въ чужую территорію,—а не тотъ, кто вынужденъ только обороняться, отражать удары, пятиться назадъ, терять пядь за пядью своей земли,— вотъ кто подвергается соблазнамъ захватовъ, изнасилованія и униженія противника. Вотъ кто особенно нуждается въ отрезвленіи, обузданіи, въ его странѣ соціализмъ долженъ развить максимальную борьбу за право слабаго противъ упоеннаго побѣдами сильнаго, за миръ, противъ упорной жажды продленія военныхъ дѣйствій. Съ этимъ мы не только согласны — мы на этой точкѣ зрѣнія все время стояли. Съ этой точки зрѣнія мы и доказывали, что въ самый моментъ рожденія войны максимальный „моральный долгъ“ и максимальная отвѣтственность лежали на соціалистахъ той страны, чья аггрессивность дала первый толчокъ къ нарушенію мира. И вотъ почему мы въ свое время обратились съ „открытымъ письмомъ“, переполненнымъ особенно горькими и тяжкими упреками именно а в с т р і й с к и м ъ соціалистамъ, въ лицѣ ихъ лидера Виктора Адлера. Вотъ почему мы подвергали до сихъ поръ особенно страстной критикѣ поведеніе именно нѣмецкихъ соціалистовъ, въ лицѣ всѣхъ этихъ Зюдекумовъ, Гейне, Ленчей, Парвусовъ и даже Каутскихъ.

Но отсюда вытекаетъ, во-первыхъ, что „категорическій императивъ“ моральнаго долга лишь с в о с о б е н н ы м ъ п о д ч е р к и в а н і е м ъ обращается къ одной изъ воюющихъ сторонъ, но никогда не теряетъ своей силы и для другой стороны, онъ лишь считается съ неравенствомъ условій, неодинаковыми возможностями той и другой. Отсюда вытекаетъ, во-вторыхъ, что если нынче тяжесть моральнаго долга лежитъ на плечахъ соціалистовъ одной стороны, то завтра же обстоятельства могутъ перемѣниться, а съ ними

и распредѣленіе тяжести моральнаго долга. Во второмъ періодѣ войны наиболѣе отвѣтственнымъ можетъ оказаться положеніе какъ разъ тѣхъ, нын отвѣтственность въ первомъ періодѣ была наименьшей.

Вотъ что необходимо выговорить ясно, безъ смягченій. И вотъ что Вы забываете выговорить, совершенно такъ же, какъ, выговаривая слова „Бельгія, Сѣверъ Франціи, Варшава", Вы забываете выговорить слово „Галиція". А между тѣмъ эта страна по территоріи раза въ три больше Бельгіи, — казалось бы, какъ ее не замѣтить даже невооруженнымъ глазомъ?

Теперь Вы поймете, конечно, съ какими поправками я совершенно принимаю Ваши слова о необходимости иниціативной роли Германіи, германскихъ соціалистовъ въ дѣлѣ того „дѣйствительнаго оказательства" интернаціонализма, отъ котораго только и можно ждать возрожденія распавшагося Интернаціонала. Вы говорите, обозрѣвая стратегическую обстановку настоящаго момента: „Непосредственно Германіи сейчасъ ничто не угрожаетъ... Если бы германская соціальдемократія воспользовалась этими благопріятными для нея условіями, если бы она съ лозунгомъ „долой войну" начала революціонную борьбу противъ германской военной касты и одержала надъ нею побѣду, — тогда ей отвѣтило бы братское эхо соціалистовъ всего міра, и Интернаціоналъ возродился бы обновленный и могучій". Да? Ну, а если бы она начала войну, но не одержала побѣды, а потерпѣла пораженіе? Тогда „братское эхо" благоразумно молчало бы? Что это за странное откладываніе „братскаго эхо" до побѣды? Русскіе соціалисты доселѣ не одержали побѣды надъ старымъ порядкомъ въ своей странѣ; неужели ихъ усилія, однако, не заслужили „братскаго эхо" рабочихъ Финляндіи, Польши, Прибалтійскаго края, Кавказа — всѣхъ тѣхъ земель, которыя чувствовали на себѣ національный гнетъ нашего стараго порядка? Неужели эти рабочіе поступили бы правильно, борясь противъ всего русскаго и не желая имѣть съ нами ничего общаго, пока мы не побѣдимъ той „касты", которая заправляетъ всѣми нашими дѣлами и угнетаетъ покоренныя національности?

Но предположимъ, что здѣсь простая обмолвка. Менѣе всего я хочу придираться къ словамъ и неудачнымъ обо-

ротамъ. Итакъ, велика отвѣтственность германской соціаль-демократіи въ этомъ кризисѣ, многое она должна и с к у п и т ь. Но именно поэтому всякая попытка избрать путь, ведущій къ искупленію, должна быть встрѣчена нашимъ искреннимъ, неподдѣльнымъ, цѣлостнымъ сочувствіемъ. И не только платоническимъ сочувствіемъ, но живымъ и дѣйственнымъ. Я надѣюсь, что Вы съ этимъ согласитесь. Но тогда оглянитесь на Вашихъ товарищей по газетѣ, и, положа руку на сердце, скажите, такъ ли встрѣтили они „первыхъ ласточекъ" пробужденія соціалистической совѣсти въ Германіи и первые ихъ успѣхи? О да, я знаю, они попробовали было — среди десятка оговорокъ, оговорокъ къ оговоркамъ, и еще оговорокъ къ оговоркамъ къ оговоркамъ — изобразить на своемъ лицѣ нѣчто въ родѣ привѣтственной улыбки. Но она не удалась. Вмѣсто нея получилась — неловкая гримаса.

Какъ Вы думаете, товарищъ, отчего это? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, пришлось бы войти въ область психологіи, — которой, я боюсь, и Вы не остались совсѣмъ чужды — и которая заставляетъ ихъ катиться по наклонной плоскости — куда? Это мы скоро увидимъ.

ЛОГИКА ОДНОГО ГРѢХОПАДЕНІЯ.

I.

Нѣсколько времени тому назадъ я написалъ «Открытое письмо тов. Е. Евгеньеву». Мнѣ казалось тогда, что съ нимъ можно говорить — и даже договориться — на общемъ языкѣ интернаціональнаго соціализма. Съ тѣхъ поръ прошло не такъ много времени, но его оказалось совершенно достаточнымъ для такой эволюціи Е. Евгеньева вправо, въ сторону націонализма и воинственности, что надежды эти приходится оставить.

Что послужило исходнымъ толчкомъ націоналистическаго превращенія Евгеньева? Прежде всего — поцелительная сила чужого «дурного примѣра».

«Интернаціонала не стало, но не стало его не потому, что соціалисты союзныхъ странъ остались вѣрными долгу національной защиты, а потому, что германская соціальде-

мократія не сумѣла и не захотѣла помѣшать наступательной войнѣ. Германскій милитаризмъ разрушилъ европейскій миръ, а австро-германская соціальдемократія разрушила интернаціоналъ"—пишетъ онъ («Новости» № 220). «Если бы у русскихъ, французскихъ и англійскихъ рабочихъ массъ была полная увѣренность въ томъ, что германскій пролетаріатъ рѣшительно и революціонно выступитъ противъ военной клики при первой же ея попыткѣ зажечь пожаръ войны, онѣ вѣроятно, не сошли бы съ интернаціональной позиціи на патріотическую» («За Рубежомъ» № 1).

Изъ этого, во первыхъ, мы извлекаемъ одно существенное, хотя, быть можетъ, и невольно вырвавшееся признаніе: именно, что «тройственно-союзные» соціалисты въ большинствѣ своемъ (съ Евгеньевымъ въ томъ числѣ) таки «сошли съ интернаціональной позиціи на патріотическую». Такъ и запишемъ для памяти, и отъ чистосердечнаго признанія перейдемъ къ оправданію.

Оно очень просто. Оно построено по образцу первой въ библейской исторіи адвокатской рѣчи — рѣчи Адама послѣ грѣхопаденія передъ лицомъ разгнѣваннаго Іеговы. — «Вотъ, Господи, Ева, та жена, которую Ты мнѣ далъ, первая сорвала съ древа яблоко, вкусила—а за нею и я вкусилъ».

Оправдываетъ ли дурной примѣръ нѣмецкой соціальдемократической Евы романскаго, англосаксонскаго и славянскаго Адама? Да, оправдываетъ, увѣряетъ насъ Евгеньевъ; ибо что же было дѣлать? неужели французскіе соціалисты должны были ради спасенія соціалистической невинности вѣжливо посторониться передъ лавиною нѣмецкой арміи, катившейся на Парижъ, а бельгійскіе соціалисты, подобно жителямъ „дураковскаго царства" въ сказочкѣ Льва Толстого, должны были встрѣтить грубое вражеское нашествіе не со штыками и пулями, а съ хлѣбомъ солью?

Вопросъ поставленъ такъ, что двухъ отвѣтовъ быть не можетъ: интернаціональный соціализмъ—не толстовское непротивленіе злу. Но вопросъ не только ловко поставленъ— онъ ловко переставленъ. Вовсе не тѣмъ соціалисты Бельгіи и Франціи „сошли съ интернаціональной позиціи на патріотическую", что въ моментъ вторженія чужой агрессивной силы взялись за оружіе и стали защищаться. А тѣмъ, что,

по пословицѣ „à force de forger on devient forgeron“, настолько преисполнились воинственности, что avec tous les armes et bagages бросились въ объятія своихъ правительствъ, разъ навсегда извѣрились въ пролетаріатъ, демократію и соціализмъ враждебныхъ странъ, и параллельно этому преисполнились вѣры въ идеализмъ, безкорыстіе и освободительную миссію своихъ дирижирующихъ слоевъ; тѣмъ, что, ослѣпленные этой вѣрой, провозгласили своимъ лозунгомъ войну jusqu'au bout, вплоть до полнаго разгрома противника; тѣмъ, что дошли до антисоціалистической и антигуманной идеи возмездія; тѣмъ, что недовѣріемъ и подозрительностью встрѣчаютъ всѣ проявленія пробужденія пролетарской и общественной совѣсти по ту сторону „линіи огня“; тѣмъ, что упрямо отвергаютъ всякую мысль о совмѣстной борьбѣ за скорѣйшее окончаніе войны и за демократическія условія мира; тѣмъ, что не допускаютъ и мысли о возстановленіи „до разгрома германскаго милитаризма“ дѣятельности Интернаціонала; тѣмъ, что во имя побѣды готовы итти на всѣ компромиссы во внѣшней и внутренней политикѣ внутри страны — на гражданскій миръ, священный союзъ всѣхъ партій и участіе въ правительствѣ, внѣ ея — на самый „циничный“ торгъ съ наличными и возможными союзниками о вознагражденіи за участіе въ войнѣ, — ибо „кто хочетъ цѣли, хочетъ средствъ“!

„Коготокъ увязъ — всей птичкѣ пропасть“. Какъ только пропадаетъ вѣра въ естественное возрожденіе международной солидарности рабочаго класса и въ дѣйственную силу его выступленій — такъ тотчасъ же остается лишь одинъ исходъ: увѣровать въ войну. „Разочарованному чужды всѣ обольщенія прежнихъ дней“. Борьба за миръ, рука объ руку съ нѣмецкимъ пролетаріатомъ, объявленіе войны войнѣ — все это „старыя пѣсни“, все это „мелодекламація“! Вотъ — „parole au canon!“ — это реально и трезво. И въ силу вступаютъ „обольщенья новыхъ дней“. Съ вѣрой въ войну приходитъ вѣра въ свое и союзныя съ нимъ правительства; вѣра, что они не злоупотребятъ „полной побѣдой“, но создадутъ лучшія условія общественнаго развитія, при которыхъ легче будетъ воскреснуть и международной соціалистической солидарности. Или — какъ выражается Евгеньевъ — „отсюда пріятіе войны до того момента, когда пораженіе

прусскаго милитаризма сдѣлаетъ возможнымъ интернаціональное выступленіе рабочаго класса"! („Новости", № 215). Вотъ онъ, двусмысленный, растяжимый, поистинѣ предательскій терминъ „пріятіе войны"! Онъ прикрываетъ собою все — и добровольный отказъ соціализма отъ свободы дѣйствій внутри страны, и его политическое разоруженіе, и его долю въ „круговой порукѣ", связывающей дирижирующіе классы всѣхъ союзно-воюющихъ странъ, и его участіе — прямое и косвенное — въ томъ неизбѣжно уродливомъ компромиссѣ, на которомъ строятъ ихъ союзъ все та же старая знакомая, — безотвѣтственная, секретная, чуждая самой элементарной моральной щепетильности дипломатія.

„Пріятіе войны" обязываетъ ко многому — слишкомъ многому. Кто хочетъ цѣли, хочетъ средствъ. Для общей побѣды нужна помощь Японіи, — дѣлать нечего, будемъ смотрѣть сквозь пальцы, какъ она вознаградитъ себя, вцѣпившись хищными когтями въ огромную, просыпающуюся къ исторической жизни, уже наполовину республиканскую китайскую націю. Для общей побѣды нуженъ союзъ съ царизмомъ — дѣлать нечего, примиримся съ тѣмъ, что замѣна „руссификаціи" Познани ея „руссификаціей" и отдача подъ русское ярмо польскихъ областей, пользующихся привилегированнымъ положеніемъ въ Австріи, будетъ носить громкое имя „возстановленія" и „освобожденія" Польши; примиримся съ тѣмъ, что подъ прикрытіемъ русскихъ войскъ будетъ происходить уничтоженіе національной культуры „украинскаго Пьемонта", какъ мѣтко называютъ Галицію одни — съ надеждой, другіе — съ злобной ненавистью; примиримся съ тѣмъ, наконецъ, что нейтралитетъ Персіи будетъ цинично разорванъ, какъ chiffon de papier, военными дѣйствіями русскихъ изъ Азербейджана противъ турецкой территоріи. Для удобства операціи въ Дарданеллахъ нужна удобная база — обратимъ сами въ chiffon de papier нейтралитетъ греческихъ острововъ, сдѣлаемъ на нихъ высадку, такъ же „миролюбиво" устранивъ мѣстныя греческія власти, какъ это сдѣлала Германія въ великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ. Для побѣды надъ нѣмцами нужно содѣйствіе Италіи — отдадимъ ей Истрію, часть Кроаціи и большую половину Далмаціи, несмотря на протесты живущаго тамъ югославянскаго населенія. Но пожалуй, чтобы удовле-

творить всѣ разыгравшіеся аппетиты, этого будетъ мало?— Пустимъ въ раздѣлъ, не церемонясь съ публично провозглашеннымъ національнымъ принципомъ, цѣлую страну, вродѣ Турціи! Ну ка, „на шарапъ“! Французамъ—Сирію и Палестину, англичанамъ—Месопотамію съ Багдадской желѣзной дорогой и протекторатъ надъ Аравіей, Россіи—Армянію до Киликіи, Царьградъ и проливы, итальянцамъ и грекамъ—Малоазіатское побережье! „Не стая вороновъ слеталась надъ грудой тлѣющихъ костей“ — это надъ живымъ тѣломъ упорно сопротивляющейся Турціи рѣютъ охотники до легкой добычи, не забывая что то каркать про освободительныя цѣли войны, про священныя права національностей, про безкорыстную борьбу свободы и культуры съ насиліемъ и варварствомъ!

Какъ ни гипнотизируй себя упорнымъ созерцаніемъ одной точки—опасности германскаго милитаризма—а мудрено не видѣть этой изнанки „святого дѣла союзниковъ“, — какъ пышно выражается въ своей французской книгѣ о войнѣ одинъ изъ передовиковъ „Новостей“, Г. А. Алексинскій— сладко поющій о томъ, какъ хорошо и почетно сложить за это „святое дѣло“ свою голову. Какъ же быть съ этой „изнанкой“? Видимо, она таки тревожитъ порой революціонную совѣсть Е. Евгеньева. И онъ пытается усыпить ее всевозможными словесными заклинаніями. Не рѣшаясь взглянуть всей правдѣ прямо въ глаза, онъ закутываетъ всѣ конкретные изъяны „святого дѣла“ въ истертыя, поношенныя ткани обычныхъ пустопорожнихъ формулъ выдохшагося и обмѣщанившагося нѣмецкаго (и тутъ Made in Germany!) ревизіонизма. Онъ что то скучно и конфузливо мямлитъ на ту тему, что „соціалистамъ приходится сейчасъ бороться при условіяхъ далеко не идеальныхъ“, что, дѣлать нечего, надо соціалистамъ идти въ ногу и рядомъ „съ силами, въ той или иной степени имъ враждебными“, что „увы, слишкомъ противорѣчива наша жизнь“, и что рѣдки „положенія, при которыхъ борцамъ за идеалы можно было бы вести борьбу въ бѣлыхъ перчаткахъ». Долой же бѣлыя перчатки! За то мы перестанемъ быть „оторванной отъ жизни сектой“, сохранимъ „контактъ съ дѣйствительностью“, „свяжемся съ жизнью“, и развяжемся съ „парализующими волю догматическими выкладками“ («Новости»).

Но если трудно держать краснорѣчивыя рѣчи въ пользу вѣры въ союзныя правительства, то остается еще одинъ окольный путь — о т ъ о б р а т н а г о. Отъ подогрѣванія всѣми средствами подозрѣній и недовѣрчивости къ рабочимъ массамъ странъ противоположнаго лагеря! При нынѣшнемъ обостреніи національнаго „взаимоотталкиванія“, это — задача легкая и благодарная. И вотъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго приложенія, Е. Евгеньевъ продолжаетъ на разные лады тянуть все ту же монотонную пѣсню. Еще въ „За Рубежомъ“ онъ писалъ: „Но что же сдѣлали нѣмецкіе рабочіе, чтобы помѣшать войнѣ? . гдѣ гарантіи, что они въ будущемъ сдѣлаютъ что либо противъ кайзера, если ему угодно будетъ снова зажечь пожаръ“? Въ „Новостяхъ“ этотъ вопросъ о „гарантіяхъ“ превращается для него положительно въ „навязчивую идею“. „Германская соціальдемократія не вняла призывамъ, съ которыми обращались къ ней соціалисты и синдикалисты Франціи наканунѣ войны — она не можетъ теперь требовать, чтобы ей повѣрили на слово“. «Но какъ могутъ рабочія массы странъ согласія вѣрить въ то, что германская соціальдемократія способна вступить въ смертный бой съ прусскимъ милитаризмомъ, когда она не съумѣла помѣшать объявленію войны»? Нѣтъ, «пока германскій народъ не потеряетъ всякой надежды на возможность военныхъ успѣховъ, онъ такъ же покорно, какъ и до сихъ поръ, будетъ бѣжать за колесницей своего кайзера» («Нов.», №№ 204, 221). Итакъ, каковы бы ни были изъяны «святого дѣла», обговореннаго у Сазонова съ сэромъ Греемъ и Делькассэ, а у нихъ съ маркизомъ Соннино, но дѣлать нечего. Союзъ съ ними — не то, что съ опамятовавшимся германскимъ пролетаріатомъ. Тутъ можно, должно быть, обойтись и безъ „гарантій“. Тутъ можно „повѣрить на слово“... Невѣріе въ „чужой“ пролетаріатъ — начало вѣры въ „свое“ правительство...

II.

Германская соціальдемократія, вмѣстѣ съ идущимъ за нею пролетаріатомъ, взяла на свою душу, что и говорить, великій грѣхъ и нанесла огромный моральный ударъ интернаціоналу. Но не тѣмъ бросать въ нее камень, кто, казалось, только и ждалъ ея грѣхопаденія, чтобы подъ этимъ

благовиднымъ предлогомъ съ удвоеннымъ азартомъ разрѣшить его себѣ самому. Нѣмецкая соціальдемократія много грѣшила — но она же въ лицѣ крайняго лѣваго крыла едва ли не быстрѣе и не рѣшительнѣе всѣхъ идетъ по пути самокритики и стремленія искупить свою ошибку. А ея подражатели изъ „военныхъ антиподовъ"? Они становятся въ позу неумолимыхъ праведниковъ, судящихъ блудницу. Ей ставятъ ультиматумы. „Если германская соціальдемократія революціоннымъ возстаніемъ вырветъ власть изъ рукъ военной касты" — вотъ когда, и только тогда, — „путь къ немедленному интернаціональному объединенію открытъ". Условія продиктованы — остается стать въ позу пассивныхъ зрителей: „мы жадно жаждемъ и ждемъ революціонныхъ выступленій соціалистической Германіи". „Пока же этого не случится, пока угроза, поднявшаяся надъ головами европейскихъ демократій и свободныхъ націй, не будетъ устранена — никакіе призывы, даже если они будутъ исходить не отъ незначительной части соціальдемократовъ, а отъ всей германской соціальдемократіи — соціалистами союзныхъ странъ не будутъ услышаны"! («Нов.», № 221).

Праведные фарисеи заткнули уши. Они „жаждутъ и ждутъ" искупительныхъ „революціонныхъ выступленій" нѣмецкаго пролетаріата, сами же не только пальцемъ о палецъ ударить, но и разговаривать то съ нимъ не хотятъ, пока онъ не совершитъ удачной революціи, не „овладѣетъ властью". Но вѣдь, не одни они ждутъ его „революціонныхъ выступленій". Ихъ съ надеждами ждутъ и въ главной квартирѣ Николая Николаевича, — и врядъ ли для того, чтобы „открыть путь къ интернаціональному объединенію". И русскія войска пойдутъ, пожалуй, туда, куда поведетъ Николай Николаевичъ, а не туда, куда повелъ бы ихъ тов. Евгеньевъ.

Пока война только начиналась — когда, напр., австрійскія войска готовились двинуться на маленькую Сербію, а германскія — на Бельгію, — можно было требовать, чтобы австрійскіе и германскіе соціалисты, не оглядываясь на то, что будетъ дѣлаться въ это время въ Англіи и Франціи, сказали своимъ правительствамъ: „стой! ни съ мѣста! ты перешагнешь черезъ миръ, только сломивъ нашу физическую силу, наше активное сопротивленіе"! Но теперь дѣло

обстоитъ далеко не такъ просто. Кто сейчасъ является только оборонящейся стороной? Никто. Послѣ вмѣшательства въ войну столькихъ новыхъ государствъ, послѣ столькихъ затратъ деньгами и людьми, послѣ такого обострѣнія національныхъ чувствъ и разнузданія столькихъ аппетитовъ — все перемѣшалось. Кто можетъ дать Германіи и Австро-Венгріи гарантію въ томъ, что если онѣ будутъ разбиты и предоставлены на милость побѣдителей, — эти послѣдніе не поддадутся взрыву мстительныхъ и хищническихъ инстинктовъ, устоятъ передъ соблазномъ и не используютъ своего торжества въ ущербъ элементарнѣйшимъ правамъ и интересамъ нѣмецкаго народа? Только наивный глупецъ или беззастѣнчивый плутъ Нынѣ нельзя пролетаріату лишь одной изъ воюющихъ сторонъ предъявить односторонне требованіе — возмутиться и прекратить свое участіе въ національной оборонѣ или даже дезорганизовать ее. Всякое движеніе должно быть по возможности параллельнымъ, одновременно идущимъ по обѣ стороны боевого фронта, хоть сколько нибудь согласованнымъ. Болѣе смѣлой инициативы, болѣе активныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій можно по праву требовать лишь отъ соціалистовъ тѣхъ странъ, чье стратегическое положеніе болѣе благопріятно. Но и это — подъ условіемъ готовности оказать имъ дружную международную поддержку, — ибо теперь надо глядѣть не въ прошлое, не на то, кто началъ. Довлѣетъ дневи злоба его. Надо глядѣть въ будущее. Надо начать съ возрожденія идейнаго контакта между соціалистическими партіями разныхъ странъ — прежде всего хотя бы между наиболѣе «лѣвыми» ихъ элементами. Нужны совѣщанія, соглашенія, нуженъ — хотя бы въ самыхъ главныхъ чертахъ — общій планъ дѣйствій. Нужно все то, чего не хотятъ пришедшіе въ азартъ соціалъ-патріоты разныхъ странъ, чему они упорно противятся. Противятся во имя лозунга, провозглашеннаго недавно — увы, такимъ человѣкомъ, какъ Анатоль Франсъ: „мы доведемъ наше страшное и благотворное дѣло до полнаго завершенія, до полнаго разрушенія военной мощи Германіи“!

И съ этой вѣрой въ „благотворность страшнаго“ конечно, не остается больше ничего, какъ заявить: „Преступно взывать къ миру“! „Преступно желать его раньше полнаго

уничтоженія тѣхъ силъ, которыя угнетаютъ и давятъ Европу втеченіе полустолѣтія, прежде чѣмъ будетъ подготовлено великое царство права. До тѣхъ же поръ слово у насъ должно принадлежать пушкамъ".

Но вѣдь это же — операція reductio ad absurdum, торжественная произведенная надъ собою соціаль-патріотизмомъ! Если эти слова сказаны не на вѣтеръ, то въ нихъ — цѣлая программа перманентной войны, перспектива ряда „революціонныхъ войнъ", для которыхъ Австро-Венгрія и Германія — лишь первые объекты! Если надо низвергнуть въ Европѣ войнами всѣ „угнетающія и давящія силы", то въ ихъ числѣ, навѣрное, найдется мѣсто и царской Россіи! Что же это за чудовищная полубонапартистская идеологія свободы, несомой на остріяхъ штыковъ чужой побѣдоносной арміи? Что это за гнилая романтически-вопиственная фантазія, замѣняющая организацію демократіи — батальоннымъ и по-корпуснымъ строемъ, силу пропаганды — краснорѣчіемъ пушекъ, остріе критическаго анализа — остріемъ штыковъ казеннаго образца, мудрость соціальнаго реформатора — стратегическимъ искусствомъ полководца, товарищескую самодисциплину пролетаріата — субординаціей воинскаго устава?

Мы отвергаемъ эту уродливую каррикатуру на соціализмъ, этотъ „штыкъ-соціализмъ"! Мы знаемъ, что тѣмъ самымъ попадаемъ на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ „германофильствѣ". Е. Евгеньевъ, завершая свое нисхожденіе „со ступеньки на ступеньку", и соревнуя славѣ Алексинскаго, уже открылъ, что среди р у с с к и х ъ соціалистовъ есть и такіе, для которыхъ „нація должна быть принесена въ жертву на алтарь капиталистическаго молоха, являющагося намъ въ данномъ случаѣ въ образѣ и подобіи милитаристической Германіи, Германіи Кайзера, Круппа и фонъ-Бернгарди"; такіе, для которыхъ „такимъ образомъ, интернаціональное объединеніе... должно будетъ совершиться подъ желѣзной пятой пангерманизма".

Можно было бы, конечно, съ возмущеніемъ потребовать у Е. Евгеньева, чтобы онъ указалъ пальцемъ на тѣхъ р у с с к и х ъ соціалистовъ, которые желаютъ объединить міръ „подъ пятой" Крупповскаго пангерманизма, — ибо всему же должны быть свои границы, должны быть они и „навѣтамъ" на идейныхъ противниковъ. Но въ данномъ случаѣ образ-

цовая нелѣпость навѣта слишкомъ самоочевидна, чтобы сто-ило это дѣлать. Къ тому же Е. Евгеньевъ — совсѣмъ не клеветникъ. Онъ только „простой цвѣточекъ дикій", который „попалъ въ одинъ букетъ съ гвоздикой, — и что же? отъ него душистымъ сталъ и самъ". Объединеніе съ штыкъ-соціализмомъ Александрова и розыскнымъ соціализмомъ Г. А. Алексинскаго не прошло для него даромъ. Такого со-сѣдства не могъ выдержать его соціализмъ — размагничен-ный соціализмъ человѣка, идейно пришибленнаго колоссаль-нымъ крахомъ Второго Интернаціонала.

„ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ЗАТРАТЫ".

Помраченіе соціалистической совѣсти — вотъ явленіе, наиболѣе типическое для переживаемаго смутнаго времени. Рука объ руку съ этимъ помраченіемъ соціалистической со-вѣсти идетъ ослабленіе величайшаго изъ моральныхъ чувствъ — чувства отвѣтственности.

Мы видимъ множество людей, которые безъ всякой оглядки на это чувство оглашаютъ воздухъ воинственными криками, требуя войны „до конца", до рѣшительной побѣ-ды, до разгрома непріятеля. Взвѣшиваютъ ли они весь ужасающій объективный смыслъ своихъ словъ? Предста-вляютъ ли они себѣ, сколько еще нужно длить эту прокля-тую войну, сколько нужно еще прибавить къ рѣкамъ про-литой крови, къ морю женскихъ и дѣтскихъ слезъ, къ океану бѣдствій и страданій? Попытались ли они хоть разъ перевести пышную фразеологію своихъ лозунговъ на объ-ективный языкъ „живыхъ цифръ", хотя бы отдаленно пред-ставить ихъ себѣ статистически?

Нѣтъ! Они гонятъ отъ себя эти страшные призраки всевозможными успокоительными фразами, упраздняющими проблему. Во первыхъ — все равно пролито уже столько драгоцѣнной крови, что нельзя же допустить, чтобы она была пролита „задаромъ". Такъ провозгласила оффиціаль-ная пресса союзныхъ государствъ, — и съ ея стороны это естественно и понятно. Для нашего буржуазнаго, мѣщан-скаго общества все облекается въ форму категорій коммер-ческо-предпринимательскаго порядка. Война есть огромное

мірovое „предпріятіе“. Кровь человѣческая — одна изъ составныхъ частей титантски-огромныхъ „издержекъ производства“. Издержки эти должны „окупиться“. Первый періодъ всякаго предпріятія даетъ дефицитъ. Надо имѣть терпѣніе и рессурсы, чтобы довести его до такого момента (jusqu'au bout), когда начнется реализація дохода. А пока нужно не жалѣть „дополнительныхъ издержекъ“.

О, конечно, соціалистическіе неофиты этой политики не могутъ — этого имъ не позволитъ ихъ совѣсть — безъ всякихъ измѣненій пользоваться этимъ безстыдно-циническимъ языкомъ. На это вѣдь и въ буржуазной прессѣ способны немногіе, щеголяющіе своимъ „откровеннымъ направленіемъ“ Максимиліаны Гардены. И тѣмъ не менѣе именно этотъ брутальный языкъ настолько соотвѣтствуетъ всему существу дѣла, что на него, противъ своей воли, хотя бы въ отдѣльныхъ выраженіяхъ то и дѣло сбиваются всѣ идеалистическіе апологеты войны...

Есть и вторая, успокаивающая соціалистическую совѣсть, фраза. Да, жертвы этой войны громадны, но за то онѣ избавятъ Европу отъ кошмара милитаризма, отъ угрозы новыхъ войнъ. Избавятъ, если только война не будетъ прервана на полдорогѣ. И вотъ почему именно ради принципа гуманности сейчасъ надо еще и еще перешагнуть черезъ кровь...

Все это разсужденіе, по внѣшности совершенно иного порядка, въ послѣднемъ итогѣ, увы, сведется безъ остатка на предыдущее. Имъ предполагается, что пораженіе Германіи создастъ въ Европѣ такую совершенно новую систему европейскаго равновѣсія, что его результатомъ будетъ длительный миръ — „на землѣ миръ и въ человѣцахъ благоволеніе“. Но, во первыхъ, гдѣ же хотя бы намекъ на гарантіи этого? Гдѣ онѣ хотя бы въ субъективныхъ цѣляхъ ведущихъ войну? Или каждый изъ великодержавныхъ участниковъ ея не преслѣдуетъ при этомъ лишь собственныхъ корыстныхъ цѣлей и не соединился съ другими простымъ „бракомъ по разсчету“? Или противорѣчія ихъ интересовъ не отступаютъ п о к а на второй планъ лишь благодаря опасности, грозящей отъ общаго врага, и не выступятъ потомъ тѣмъ разнузданнѣе, чѣмъ полнѣе будетъ его пораженіе и его „умаленіе“?

Забыть обо всемъ этомъ — значитъ именно вернуться къ концепціи войны, какъ пріемлемаго для насъ „предпріятія“, предпріятія, въ которое мы вложили если не свои моральныя „акціи“, то по крайней мѣрѣ моральныя „облигаціи“; предпріятія, ведомаго могущественнымъ синдикатомъ по устройству „вѣчнаго мира“. Николай II, Эдуардъ, Альбертъ, Викторъ-Эммануилъ, Никита Черногорскій, Петръ Сербскій и — плебей среди аристократовъ — мосье Пуанкарэ: чѣмъ не подходящій составъ для такого синдиката?

Но — возразятъ намъ — вѣдь эта война — совсѣмъ особенная война: не „кабинетская война“, а „народная война“ — „nicht Kabinetskrieg, aber Volkskrieg“!

Пусть такъ. Пусть исключительно „кабинетскія“ войны невозможны или почти невозможны болѣе въ Европѣ. Но чему это мѣшаетъ? Если войны ведутся теперь цѣлыми націями и для „пріятія“ ихъ націями кабинетамъ нужно заботиться о томъ, „чтобъ дѣлу дать законный видъ и толкъ“, то развѣ это обезпечиваетъ пріятіе народами лишь такихъ условій мира, которыя обезпечиваютъ ихъ истинные интересы? Для этого вопросы международной политики слишкомъ запутанны и сложны, а народы... народы слишкомъ въ нихъ неискушены и неопытны. Да и есть ли даже у самого соціализма прочная система руководящихъ принциповъ, опредѣляющихъ собою его собственную линію международной политики? Вся исторія соціализма, весь тотъ отдѣлъ этой исторіи, который говоритъ объ отношеніи его къ великимъ европейскимъ войнамъ прошлаго — не даетъ ли она такую яркую картину разногласій, противорѣчій, колебаній, метаній изъ стороны въ сторону, что невольно приходитъ на память старая кличка — „зигзагъ-курса“?

„Народная война“! Но развѣ первая балканская война не была „народной“? Развѣ мы въ свое время не слыхали, что это — болѣе, чѣмъ война, что это — революціонный народный походъ съ освободительными цѣлями, что это — нѣчто среднее между войной и народнымъ возстаніемъ, точнѣе — ихъ гармоническій синтезъ? Развѣ не пѣли намъ тогда „пріявшіе войну“ публицисты о красотѣ и трогательности забвенія балканскими народами всѣхъ прежнихъ распрей и восторженнаго ихъ братанья между собою? И что же изъ всего этого вышло?

Да — скажутъ намъ — но вѣдь то полукультурные „братушки“, а въ этой войнѣ герои сцены — великія націи! Совершенно вѣрно. Но, къ сожалѣнію, у современныхъ великихъ націй и величина аппетитовъ вполнѣ соотвѣтственна ихъ размѣрамъ. И вотъ почему война малыхъ народовъ таитъ въ своихъ нѣдрахъ относительно малыя опасности, а война великихъ народовъ — великія опасности для будущаго мира. Да и что значитъ въ этомъ случаѣ „народы“? Апологеты войны немедленно подставляютъ подъ него — почти какъ синонимъ — трудящіяся массы, демократію. Но это „почти“ — весьма предательское. „Народъ“ здѣсь означаетъ „націю“, т. е. блокъ разныхъ классовъ. Но какіе же интересы являются интересами „блока“? Посмотрите на конкретную картину, которую представляетъ собою въ этой войнѣ „священный союзъ всѣхъ партій“ любой странѣ — лучше всего одной изъ „враждебныхъ“ странъ, ибо „со стороны то оно виднѣе“ — и вы легко увидите, кто и что придаетъ этому союзу цвѣтъ и запахъ, кто въ немъ дѣйствительно играетъ руководящую роль, и кто „nur glaubt zu schieben — und wird geschoben“. И тогда слова „война народовъ“, „народная война“ перестанутъ звучать для васъ угѣшительно и успокоительно. Они будутъ отдаваться въ вашихъ ушахъ злой иронією...

И послѣ этого попробуйте выступать защитникомъ „дополнительныхъ затратъ“ человѣческой крови вплоть до того момента, когда эти затраты „окупятся“! Поистинѣ, соціалисту нужно совершенно обезумѣть, чтобы настроить себя на такую безконечно чужую для него идеологію и психологію...

И тѣмъ не менѣе онъ сплошь и рядомъ не безъ успѣха настраиваетъ себя на нее. И даже настраиваетъ настолько, чтобы вмѣстѣ съ дѣльцами дипломатіи воюющихъ странъ требовать „дополнительныхъ издержекъ“ не столько изъ своего, сколько изъ ч у ж о г о кармана, что выступаетъ ревностнымъ „интервенціонистомъ“ по отношенію къ нейтральнымъ странамъ, что с т а р а е т с я п р о в о ц и р о в а т ь на в о й н у другихъ... И еще кого изъ „другихъ“!

Загляните, напр., во 2 № газеты „За Рубежомъ“, гдѣ Е. Евгеньевъ на всѣ лады доказываетъ, насколько „балканское вмѣшательство является желательнымъ не только

въ интересахъ побѣды надъ Австро-Германіей, но и въ интересахъ самихъ балканцевъ". И ни на минуту не вспоминаетъ онъ въ своей статьѣ, что эти поистинѣ злочастныя страны, еще политически незрѣлыя, успѣшно управляемыя своими маленькими династіями, страдающими манією величія, не успѣли залѣчить сочащихся ранъ послѣ двухъ недавнихъ войнъ, пламенемъ охватывавшихъ весь полуостровъ; что, изнеможенныя, истощенныя, доказавшія свою неспособность мирно раздѣлить даже огромную территоріальную добычу, глядящія другъ на друга съ ревнивымъ подозрѣніемъ и недовѣрчивостью, сохранившія на днѣ души всю горечь недавнихъ распрей и взаимныхъ обидъ, онѣ уже по слабосилію своему меньше всѣхъ могутъ выиграть и горше всѣхъ поплатиться въ такой войнѣ, какъ эта. Хоть ихъ то пожалѣли бы наши поборники культуры и гуманности, хоть ихъ бы оставили въ покоѣ со своими исканіями новыхъ орудій для своихъ военныхъ задачъ и стратегическихъ плановъ!

И мнѣ вспоминается твердая воля *всѣхъ* балканскихъ соціалистическихъ партій, высказанная ими на их*ъ общемъ* балканскомъ конгрессѣ, бороться съ вліяніемъ агентовъ обоихъ борющихся лагерей, стремящихся втравить — каждый со *своей* стороны — балканскіе народы въ этотъ конфликтъ. Мнѣ вспоминаются слова, которыя отъ имени сербскихъ соціалистовъ обратилъ къ своимъ балканскимъ собратьямъ ихъ лидеръ, извѣстный Лапчевичъ. „Сербія была вовлечена въ войну также подъ вліяніемъ русской политики, которая господствуетъ въ нашей странѣ уже много лѣтъ. Россія хотѣла войны съ Австріей *цѣною нашей крови*. Вы хотите знать, что принесла намъ война? Теперь Сербія представляетъ собою *одно большое кладбище*. Сыпной тифъ продолжаетъ косить населеніе; изъ трехсотъ врачей осталось въ живыхъ полтораста! Если вы предпочитаете видѣть и повсюду на Балканахъ то, что теперь происходитъ въ Сербіи — начинайте войну! Но если вы хотите избавить вашу страну отъ несчастій — боритесь за нейтралитетъ"!

Но наши „интервенціонисты" именно именемъ Сербіи, не менѣе, чѣмъ именемъ Бельгіи, зовутъ всѣхъ ко вмѣшательству. И судятъ отъ Балканскаго вмѣшательства такія

соблазнительныя перспективы. Оно нужно, по Евгеньеву, „въ интереесахъ мирнаго сожительства въ будущемъ балканскихъ народовъ, въ ингересахъ ихъ независимости и свободы". Воинственнымъ „соціалистамъ тройственнаго согласія" лучше знать интересы балканскихъ народовъ, чѣмъ самимъ балканскимъ соціалистамъ. И вотъ, въ этомъ вопросѣ, сами того не желая, они заняли позицію, которая сама по себѣ уже является ихъ худшимъ и самымъ рѣзкимъ осужденіемъ: **вмѣстѣ съ балканскими націоналистами противъ балканскихъ соціалистовъ!**

Это ли не помраченіе соціалистической совѣсти? Это ли не ослабленіе чувства отвѣтственности?

НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЛОКЪ.

I.

„Къ сознательному трудящемуся населенію Россіи"... Такъ гласитъ манифестъ, выпущенный недавно за подписью нѣсколькихъ извѣстныхъ соціальдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, объединившихся подъ идейнымъ патронатомъ Г. В. Плеханова. Со стороны с.-р. на совѣщаніи, вырабатывавшемъ манифестъ, были И. Бунаковъ, Н. Авксентьевъ и Б. Вороновъ. Не отступая передъ объединеніемъ съ такими лицами, какъ пользующійся заслуженной двусмысленной репутаціей Г. А. Алексинскій, они образовали настоящій политическій **блокъ**, и призываютъ, по своимъ слѣдамъ, блокироваться патріотовъ соціальдемократическаго и соціально-революціоннаго происхожденія на мѣстахъ. Сходство въ основномъ лозунгѣ — пріятія войны — въ ихъ глазахъ перевѣшиваетъ другія расхожденія.

Другія расхожденія... Среди нихъ прежде всего приходилось бы вспомнить о чисто-идеологическихъ. Какъ примирили ихъ, или какъ ихъ обошли вчерашніе противники —нынѣшніе союзники?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ все содержаніе первой половины манифеста. Въ немъ содержится не только зерно нѣкоторой идеологіи; болѣе того, въ немъ есть даже намекъ на цѣлую „философію исторіи" Россіи. Философію

исторіи, хорошо знакомую всякому, для кого извѣстны основныя начала воззрѣній составителя манифеста — Г. В. Плеханова.

Въ основу этой философіи исторіи положены, конечно, „неизбѣжныя политическія послѣдствія экономическаго переворота, пережитаго Россіей во второй половинѣ 19-го вѣка". Кому же неизвѣстно, что экономика — фундаментъ, а политика — надстройка? И кому непонятно, о какомъ „экономическомъ переворотѣ" здѣсь идетъ рѣчь? Пореформенное насажденіе буржуазіи и отдираніе отъ земли крестьянства — его прелести не въ первый и не въ послѣдній разъ воспѣваются лидеромъ русскаго ортодоксальнаго марксизма! Этимъ переворотомъ „ускорилось развитіе ея производительныхъ силъ, прежде совершавшееся крайне медленно". Стоитъ отмѣтить деликатное отношеніе Г. В. Плеханова къ товарищамъ народническаго склада, завербованнымъ подъ платформу манифеста; ради нихъ онъ не говоритъ прямо — развитіе капитализма и пролетаризація крестьянства, какъ положительные экономическіе процессы; онъ выбираетъ болѣе длинные описательные обороты, онъ готовъ выражаться suaviter in modo, правда, выступая отъ этого не менѣе fortiter in re. Онъ хорошо знаетъ, что мягкость формы дѣлаетъ всегда болѣе пріемлемой рѣшительность существа для только что завербованныхъ новичковъ. И наши неоплехановцы оправдали его разсчеты. „Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали „спасибо"...

Остальной ходъ аргументаціи ясенъ. Если съ развитіемъ капитализма для Россіи связано увеличеніе пролетаріата и ускореніе всего политическаго прогресса, то ясно, что интересы хрупкаго и неокрѣпшаго россійскаго капитализма должны въ этой войнѣ найти съ нашей стороны защиту отъ могучаго, грозящаго его задавить капитализма германскаго. Эта простая и краткая мысль разжевана для бывшихъ народниковъ, которымъ она могла бы оказаться не по зубамъ, слѣдующимъ образомъ.

Послѣ пережитаго Россіей пореформеннаго хозяйственнаго переворота „можно было съ увѣренностью сказать, что чѣмъ быстрѣе будутъ расти ея производительныя силы, тѣмъ сознательнѣе будетъ становиться ея трудящееся на-

селеніе и тѣмъ скорѣе наступитъ часъ окончательной гибели царизма. Но война, навязанная намъ Германіей, грозитъ прекратить это выгодное для народа теченіе дѣлъ". „Выгодное для народа теченіе дѣлъ"— неправда ли, какъ это выраженіе подходитъ ко всему болѣзненному, перемежаемому приступами острыхъ экономическихъ и общихъ кризисовъ, процессу „выварки" Россіи въ „фабричномъ котлѣ"? И какъ здѣсь чувствуется то гиперъ-народничество, которымъ иногда любилъ щеголять хотя бы т. Бунаковъ?

Не менѣе ясно и дальнѣйшее. Передъ пугливой публикой воздвигается „жупелъ" невыгоднаго торговаго договора, который намъ навяжетъ Германія, и полегоньку прочищается дорога теоретическому продукту квази-марксистской мысли новѣйшаго времени. Соціалъ-протекціонизмъ — вотъ онъ, dernier cri марксистскаго патріотизма! И въ самомъ дѣлѣ, какъ же съ оружіемъ въ рукахъ не покровительствовать развитію отечественнаго капитализма? Что безъ этого будетъ? „Земледѣльцы, вытѣсняемые нуждой изъ деревень, утратятъ возможность находить себѣ заработокъ въ промышленныхъ центрахъ и вмѣсто того, чтобы дѣлаться сознательными пролетаріями, способными энергично бороться за свое освобожденіе, станутъ превращаться въ жалкихъ босяковъ, готовыхъ служить безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ всякаго рода погромщиковъ и авантюристовъ"...

И это называется экономической аргументаціей! Подписавшіе манифестъ, повидимому, даже не спросили сами себя —почему это иностранный, нѣмецкій капиталъ, добившись облегченныхъ условій своего приложенія внутри Россіи, не будетъ нуждаться въ рабочихъ рукахъ „земледѣльцевъ, вытѣсняемыхъ нуждой изъ деревень". Или почему облегченіе ввоза нѣмецкихъ товаровъ хуже облегченія ввоза товаровъ англійскихъ, французскихъ и бельгійскихъ (если только въ разсчеты новаго политическаго блока не входитъ вообще оградить насъ таможенной китайской стѣной отъ „заграницы")!

Но эти и другіе „секреты" соціалъ-патріотической теоріи мы пока оставимъ въ покоѣ. Намъ достаточно отмѣтить, что с. р.-скіе неофиты этой теоріи молчаливо при-

знали, что безъ „выварки въ фабричномъ котлѣ“ деревенская бѣднота можетъ пополнять собою лишь ряды босяковъ-погромщиковъ. И что вообще нечего искать свѣта иначе, какъ въ капиталистическомъ окошкѣ. И если германская конкурренція не дастъ настоящимъ образомъ выпрямиться „истинно-русскому“ капитализму, то пиши пропало. Нѣтъ другихъ путей намъ выбраться на столбовую дорогу историческаго развитія. Наше „дальнѣйшее экономическое развитіе крайне замедлится, если не о с т а н о в и т с я с о в с ѣ м ъ“.

Таковъ неожиданный финалъ с.-р-овскаго народничества, пошедшаго „на выучку“ къ Г. В. Плеханову. Оно—должно быть, „діалектически“!—превратилось въ свою собственную противоположность и принялось повторять зады вульгарнаго марксизма... Бѣдные эксъ-народники—нынѣ неоплехановцы!

II.

Но „манифестъ“ содержитъ не только своеобразную идеологію. Онъ—и это его главная задача—ставитъ своею цѣлью опредѣлить линію поведенія русскаго соціализма и русскаго рабочаго класса во время войны. Бѣда лишь въ томъ, что никакой линіи онъ не опредѣляетъ, предпочитая топтаться вокругъ настоящаго вопроса, какъ котъ вокругъ слишкомъ горячаго куска сала.

Читайте и судите сами.

Первое тактическое заявленіе манифеста гласитъ:

„Всякое революціонное вспышко-пускательство въ тылу арміи, борящейся съ непріятелемъ, по своему значенію, равнялось бы измѣнѣ, такъ какъ было бы услугой в н ѣ ш н е м у врагу“ и т. д., и т. д.

Итакъ — по случаю войны долой „вспышко-пускательство“. Но вотъ странность: развѣ д о в о й н ы практическимъ лозунгомъ Р. С.-Д. Р. П и П. С.-Р. было „вспышкопускательство“? Развѣ современные соціальдемократы и соціалисты-революціонеры представляли собою не болѣе, какъ безпардонныхъ бунтарей, и самъ Плехановъ съ братіей лишь по случаю войны надумался предложить имъ измѣнить прежнюю тактику на новую?

А если нѣтъ, то для чего эта борьба съ вѣтряными мельницами, съ воображаемыми, фантастическими врагами?

Понятно, для чего: для того, чтобы ходить вокругъ да около колючаго вопроса о томъ, допустимы ли во время войны попытки революціоннаго свержения нынѣшняго правительства. И смотрите, какъ хорошо: не удастся такая попытка — мы, слѣдя въ бинокль изъ ложи бельэтажа, объявимъ ее „вспышкопускательствомъ", и приравняемъ къ „измѣнѣ родинѣ". Удастся — другое дѣло! Побѣдителей не судятъ — это, говорятъ, дѣло неудобное — и мы сможемъ сказать, что вѣдь мы были только противъ вспышкопускательства — потому, что мы были за революцію!

Поистинѣ, недаромъ конференція поручила дѣло составленія манифеста Г. В. Плеханову. Онъ всегда былъ великимъ мастеромъ выходить, подобно гоголевскому городничему, именинникомъ „и на Антона, и на Онуфрія".

И дальше онъ продолжаетъ:

„Да что вспышки! Даже къ стачкамъ можно прибѣгать теперь, во время войны, только всесторонне взвѣсивъ всѣ ихъ возможныя военно-техническія, нравственныя и политическія послѣдствія".

Святая истина! Тѣмъ болѣе святая, что ее можно бы дополнить и другой: даже во время мира не слѣдуетъ прибѣгать къ стачкамъ безъ „всесторонняго взвѣшиванія" ихъ послѣдствій! Ибо пролетаріату врядъ ли слѣдуетъ дѣйствовать въ духѣ извѣстнаго шуточнаго стихотворенія:

Все стою на камнѣ,
Дай-ка брошусь въ море!
Что пошлетъ судьба мнѣ —
Радость или горе?
Можетъ — озадачитъ,
Можетъ — не обидитъ...
Вѣдь кузнечикъ скачетъ,
А куда — не видитъ...

Но съ Г. В. Плехановымъ нужно держать ухо востро. И въ особенности какъ разъ тогда, когда онъ начинаетъ высказывать истины изъ прописей. Такія истины онъ всегда пускаетъ впередъ, въ качествѣ военнаго прикрытія, за которымъ должны пробраться благополучно въ самый центръ непріятельскихъ позицій „истины" въ кавычкахъ.

И вотъ, ихъ наступленіе начинается. Плехановъ не от-

рицаетъ, что изъ самой войны и подготовки къ ней капиталисты дѣлаютъ выгодную аферу за счетъ голодныхъ плать загипнотизированныхъ нуждами фронта рабочихъ. „Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вамъ захотѣлось бы отвѣтить стачкой, вамъ надо подумать, не повредитъ ли она дѣлу обороны Россіи". Ибо рабочіе „совершили бы величайшую ошибку, если бы, имѣя въ виду только свой собственный интересъ, позабыли о томъ, какъ жестоко пострадаютъ отъ германской побѣды интересы всего россійскаго пролетаріата и всего россійскаго трудового крестьянства". Къ тому же—таинственно нашептываетъ на ушко Плехановъ — „быть можетъ, реакціонеры сами мечтаютъ о томъ, какъ бы вызвать рабочихъ на частичныя выступленія, и, разгромивъ по частямъ силы рабочихъ, имѣть свободныя руки для заключенія позорнаго мира съ Германіей и для сохраненія своей власти надъ трудящимся народомъ"...

Казалось бы, отсюда ясно одно: никакія стачки немыслимы. Ибо, во-первыхъ, отдѣльныя стачки суть „частичныя выступленія", выгодныя, какъ доказано, для коварныхъ замысловъ реакціонеровъ. Ибо, во-вторыхъ, всякая стачка въ производствѣ, имѣющемъ отношеніе до войны, не можетъ не быть о т р и ц а т е л ь н о й в е л и ч и н о й въ дѣлѣ обороны, и вопросъ только въ томъ, кого считать виновными въ этомъ минусѣ: рабочихъ ли, или тѣхъ, кто ихъ на эту стачку вынудили? И вотъ, Плехановъ предлагаетъ разсматривать капиталистовъ, проводирующихъ стачки своей системой обостреннѣйшаго „пото-выжиманія", какъ какое то безотвѣтственное стихійное явленіе: его надо взять за непреложный фактъ, съ нимъ считаться, и весь „вредъ" отъ стачки возложить на отвѣтственность рабочихъ... Недурно! И, наконецъ, въ третьихъ, нельзя не признать, что в с я к а я стачка, в с я к а я вспышка, в с я к а я в о о б щ е внутренняя, гражданская политическая борьба есть м и н у с ъ для фронта. „Моральфронта тѣмъ выше, чѣмъ единодушнѣе страна, чѣмъ полнѣе могутъ въ ней на время быть отложены въ сторону всѣ внутреннія разногласія...

Иные готовы признать — и такіе „иные" теперь существуютъ даже среди у м ѣ р е н н ы х ъ либераловъ, — что хотя и было бы желательно пригласить всѣхъ къ „забвенію

своихъ классовыхъ позицій" и своихъ политическихъ разногласій — однако, все это, при современномъ русскомъ режимѣ—потерянныя слова, что политическая борьба неизбѣжна, и что хотя она — минусъ для фронта въ данный моментъ, но, во-первыхъ, минусъ неотвратимый, а во-вторыхъ, такой минусъ, который покроется плюсомъ въ будущемъ: настолько даже въ военно-техническомъ отношеніи оказался банкротомъ современный режимъ. Даже среди разношерстнаго „прогрессивнаго блока", — и то явилась, послѣ грубой „отсылки на покой" Думы, мысль: демонстративно отказаться отъ участія во всѣхъ обслуживающихъ войну комиссіяхъ, чтобы не служить передъ глазами всей страны безвліятельной и безсильной ш и р м о й для чиновнаго казнокрадства и бездарнаго самодурства.

Но тутъ приходитъ плехановскій „манифестъ" и разъясняетъ, что хотя и „естественно" происхожденіе взгляда, будто „пока существуетъ это правительство, ровно ничего нельзя сдѣлать для „національной защиты", но это взглядъ „глубоко ошибочный" и устраняться „передовымъ элементамъ" не слѣдуетъ: это значило бы провозглашать формулу „все или ничего" и попадать въ объятія „анархистской тактики".

„Генеральный штабъ германской арміи радостно привѣтствовалъ бы извѣстіе о томъ, что она усвоена этими (передовыми) элементами. Повѣрьте, что онъ готовъ оказать поддержку всѣмъ тѣмъ, которые вздумаютъ проповѣдывать ее у насъ. Ему нужны безпорядки въ Россіи, ему нужны стачки въ Англіи, ему нужно все то, что облегчаетъ осуществленіе его завоевательныхъ плановъ".

Реакціонеры, давно инсинуирующіе, что русскихъ стачечниковъ движетъ изъ-за кулисъ рука германскаго генеральнаго штаба, — учитесь, какъ можно эту инсинуацію преподносить въ такой формѣ, что и комаръ носу не подточитъ: и сказано, и несказано!

Кажется, все ясно? Не хочешь привѣтствій и поддержки германскаго генеральнаго штаба? Не хочешь сыграть въ руку русскимъ реакціонерамъ, проводирующимъ внутреннія вспышки, чтобы, раздавивъ передовые элементы, заключить желанный позорный миръ съ Германіей? Откажись отъ политическихъ демонстрацій, отъ частичныхъ выступленій, не

бастуй, словомъ — не дыши! Но сказать все это — значило бы произнести самимъ себѣ слишкомъ жестокій приговоръ. И вотъ, сдѣлавши все возможное, чтобы политически и морально запугать тѣхъ, кто еще не разучился держать, манифестъ лицемѣрно — да, л и ц е м ѣ р н о! — совѣтуетъ поступать рабочимъ по этимъ нормамъ — „не прекращая своей справедливой борьбы за улучшеніе своего всегда тяжелаго экономическаго положенія и планомѣрно сопротивляясь всѣмъ попыткамъ его ухудшенія". Спрашивается только: чѣмъ и какъ? Развѣ вѣрноподданническими петиціями, да обиваніемъ пороговъ у сильныхъ міра сего?

Но этого мало. Плехановъ съ товарищами хорошо помнитъ, что Россія можетъ, не обращая вниманія на совѣты „премудрой крысы Онуфрія", выпрямиться, сбросить тотъ режимъ, который завелъ насъ въ кровавый тупикъ, и взять свою судьбу въ собственныя руки, чтобы искать для себя и для всего міра достойнаго выхода изъ этого тупика. О, авторы манифеста должны быть правы и на этотъ случай. Подобно тому невѣрующему, который передъ смертью „на всякій случай" позвалъ попа, они въ послѣдній моментъ, въ заключеніе манифеста, заявляютъ, что вовсе не настаиваютъ на лозунгѣ „сначала побѣда надъ внѣшнимъ врагомъ, а затѣмъ уже сверженіе врага внутренняго"; нѣтъ, „вполнѣ возможно, что сверженіе этого послѣдняго явится предварительнымъ условіемъ и залогомъ избавленія Россіи отъ германской опасности". И даже по этому поводу вспоминаютъ о „французскихъ революціонерахъ конца 18-го вѣка"!

„Вотъ какой, съ Божьей помощью, оборотъ". Но вѣдь одно изъ двухъ: либо держать курсъ на поддѣльную „національную оборону" подъ знаменемъ Николая II, и тогда временно отвлечься отъ внутренней борьбы. Или держать курсъ на революцію, и тогда отвергнуть всеопредѣляющую роль интересовъ фронта, считаться съ ними, какъ со всякимъ внѣшнимъ условіемъ нашей работы, но не быть ихъ „бѣлыми рабами". Надо выбрать. Нельзя и не вѣровать, и заручиться мѣстечкомъ въ царствіи небесномъ. Нельзя концомъ манифеста уничтожать значеніе почти всего его содержанія, или, лучше сказать, почти всѣмъ его содержаніемъ превращать въ неискреннюю, внутренне пустую ф р а з у его конецъ.

„Повинуясь указанному лозунгу, вы должны быть мудры, к а к ъ з м і и“, изрекаетъ въ своемъ „Манифестѣ“ Плехановъ вмѣстѣ со своими сборными „нео-плехановцами“. Жаль лишь, что онъ не показалъ, к а к ъ это можно сдѣлать. Онъ показалъ лишь, какъ можно извиваться и юлить вокругъ да около роковыхъ проблемъ русской жизни изворотливымъ и скользкимъ у ж е м ъ.

III.

Но и этимъ содержаніе „манифеста“ не исчерпано. Онъ заключаетъ въ себѣ опредѣленные лозунги чисто-организаціоннаго характера. Онъ гласитъ: „мы думаемъ, что наши, дѣйствующіе на мѣстахъ, единомышленники должны были бы сблизиться между собою для дружнаго служенія своему народу въ часъ переживаемой имъ смертельной опасности“!

Такимъ образомъ, передъ нами, въ сущности, зародышъ новой партіи. Партіи чрезвычайно разношерстной, партіи, быть можетъ, недолговѣчной,—но все же партіи. Ибо это политическое соединеніе выступаетъ съ самостоятельными политическими лозунгами, непосредственно бросая ихъ въ массу; ибо оно дѣлаетъ изъ своихъ политическихъ лозунговъ опредѣленные о р г а н и з а ц і о н н ы е выводы; ибо, наконецъ, въ своемъ манифестѣ оно дѣлаетъ первую осторожную попытку созданія общей и д е о л о г і и.

Дѣло нисколько не мѣняется отъ того, что участники этого соединенія продолжаютъ себя именовать, одни — членами Р. С.-Д. Р. П., другіе — членами П. С. Р., и что иные изъ нихъ даже продолжаютъ числиться членами нѣкоторыхъ центральныхъ учрежденій названныхъ партій. Ибо одновременно состоять въ такихъ учрежденіяхъ и безъ вѣдома ихъ организовать конференціи съ членами другихъ русскихъ партій, и, увольняя себя отъ партійнаго контроля, вступать съ ними въ политическіе блоки, имѣющіе свои практическіе лозунги и свои, выходящіе изъ партійныхъ рамокъ, организаціонные планы, — все это намъ кажется какимъ-то вопіющимъ противорѣчіемъ основнымъ началамъ партійной дисциплины. И какъ примиряютъ со своей революціонной совѣстью эти люди такое вопіющее противорѣчіе— мы отказываемся даже пытаться понять. Все это — „по ту сторону“ нашихъ понятій о партійности.

Мы не осуждаемъ — пусть не поймутъ насъ превратно —тѣхъ, кто все время были нашими товарищами по партіи, за ихъ рѣшеніе — публично обратиться къ массамъ и сказать имъ — что нужно дѣлать и чего не нужно дѣлать въ переживаемый моментъ. Мы понимаемъ, что воздержаніе отъ этого при извѣстныхъ условіяхъ становится равносильнымъ политическому самоубійству. Мы понимаемъ, что сознаніе обязанности немедленнаго политическаго дѣйствія — а рѣшительное п р и з ы в н о е слово есть тоже дѣйствіе — можетъ стоять выше формальныхъ обязанностей передъ тѣми организаціями, членами которыхъ они состоятъ. Но тогда нужно начать съ того, что „aussprechen, was ist“ — констатировать формальнымъ заявленіемъ свою свободу отъ организаціонной связи съ этими учрежденіями и отъ нормъ, налагаемыхъ этою связью.

Шагъ серьезный, шагъ тяжелый. Шагъ, который, быть можетъ, является только преддверіемъ къ другимъ, еще болѣе тяжкимъ шагамъ. Ибо выступающій въ новомъ организаціонномъ соединеніи съ особыми лозунгами и призывами къ массамъ, долженъ заранѣе рѣшить для себя вопросъ: какъ поступить, если окажется, что лозунги эти для партіи непріемлемы?

Е с л и окажется... Намъ приходится говорить этими условными оборотами потому — только потому! — что въ Россіи не было формально управомоченнаго партійнаго совѣщанія, которое бы з а к р ѣ п и л о въ рамкахъ организаціи ту позицію, которой ф а к т и ч е с к и придерживаются дѣйствующія въ Россіи партійныя группы.

Въ самомъ началѣ войны наши м о с к о в с к і е товарищи выступили съ прокламаціями противъ войны, послужившими поводомъ къ цѣлому ряду обысковъ и арестовъ. По свѣдѣніямъ послѣднихъ русскихъ газетъ, недавно въ Москвѣ снова появились такія же с.-р. прокламаціи, и полиція снова реагировала на нихъ обысками и арестами.

Въ П е т р о г р а д ѣ вышло извѣстное воззваніе шести членовъ комитета, избранныхъ послѣдней мѣстной с.-р. конференціей, съ рѣзкими лозунгами интернаціоналистическаго и революціоннаго содержанія. Затѣмъ тамъ же уже имѣлъ мѣсто одинъ процессъ группы с.-р. рабочихъ, выпускавшихъ

аналогичныя прокламаціи противъ войны, и подготовляются дальнѣйшіе процессы.

На Кавказѣ имѣла мѣсто областная конференція, принявшая практическимъ лозунгомъ борьбу за миръ, и средствомъ — возстановленіе международной солидарности акціи рабочаго класса.

Въ центральной Россіи появился с.-р. органъ „Призывъ"*), типографія котораго захвачена по отпечатаніи второго №. Изданіе этого органа подготовлялось еще до войны переговорами между с.-р. кружками цѣлаго ряда городовъ: Петрограда, Москвы, Харькова, Ростова-на-Дону, Кіева.

Всѣ эти выступленія носили въ общемъ одинъ и тотъ же — революціонно-интернаціоналистскій характеръ. И этимъ выступленіямъ нельзя противопоставить ни одного выступленія какой либо дѣйствующей с.-р. группы, которое бы имѣло противоположный характеръ.

Даже іюльское совѣщаніе болѣе умѣренныхъ народническихъ элементовъ принядо своимъ ближайшимъ лозунгомъ — возстановленіе международной соціалистической солидарности для борьбы за миръ, съ одной стороны, и внутреннюю борьбу съ существующимъ политическимъ режимомъ — съ другой.

Выводъ ясенъ. Лишь формально можно говорить, будто позиція П. С.-Р., какъ цѣлаго, не опредѣлилась. Фактически она ясна. Формальное положеніе будетъ недолго отставать отъ фактическаго. И что же тогда?

Тогда ничѣмъ нельзя будетъ обойти роковой дилеммы: подчиниться или удалиться.

Мы будемъ очень рады, если послѣ формальнаго рѣшенія этого вопроса партіей у разошедшихся съ нами товарищей хватитъ силы принести личное въ жертву партійному. Но... хватитъ ли у нихъ этой силы? Не успѣютъ

*) Кстати: этотъ органъ не прекращенъ, и врядъ ли корректно поступила группа Плеханова, Авксентьева, Алексинскаго и Бунакова, взявъ то же названіе и для своего заграничнаго органа. Это не можетъ не подать повода въ Россіи ко многимъ недоразумѣніямъ. Кому и зачѣмъ это нужно?

ли они до того времени такъ политически себя ангажировать, что это будетъ равносильно сожженію за собой кораблей?

Съ глубокой горечью мы видимъ, какъ люди, съ которыми мы не разъ боролись плечомъ къ плечу, съ которыми мы вмѣстѣ переживали всѣ партійныя радости и горести, удачи и неудачи, побѣды и пораженія — рѣшились на политическій шагъ, который будетъ для нихъ шагомъ поистинѣ р о к о в ы м ъ.

Но мы — увы! — не вправѣ думать, будто они не взвѣсили всѣхъ его послѣдствій. Они не могутъ не видѣть, что ставятъ на карту свои революціонныя имена и репутаціи, ставятъ на карту все свое политическое будущее. И все таки они этотъ политическій шагъ дѣлаютъ. Они уже настолько оторвались отъ насъ духовно, что называютъ насъ — не въ какой нибудь случайной полемической статьѣ отдѣльнаго автора, а въ манифестѣ къ народу, за всѣми своими подписями — „эти несчастные“. Они послѣ долгихъ колебаній сорвались внизъ и покатились по наклонной плоскости.

Трудно удержаться въ послѣдній моментъ отъ ненужнаго, запоздалаго восклицанія: остановитесь! не дѣлайте этого! Пожалѣйте себя, свое будущее, — свое прошлое! Не губите однимъ ложнымъ жестомъ всего того, что вы завоевали, какъ свое морально-политическое имущество, многими годами дѣятельности и борьбы!

Нельзя удержаться. И все же знаешь, видишь, чувствуешь, что все это безсильно и безнадежно. Эти люди — въ рукахъ рока. И что должно свершиться — совершится...

НЕРЕВОЛЮЦІОННАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Тов. И. Вунаковъ и Н. Авксентьевъ, подобно сказочному Ильѣ Муромцу, „сиднями сидѣли“ четырнадцать мѣсяцевъ, пока, наконецъ, самъ Георгій Побѣдоносецъ — я хотѣлъ сказать, самъ Георгій Плехановъ — не надумался сыграть для нихъ роль политическаго „калики перехожаго“ и поднести имъ чарку марксистски-патріотическаго зелена вина мѣрой въ полтора ведра. Хватили этого вина наши муромцы, ударило имъ вино въ голову, поднялись они и

отправились затравливать въ Брынскихъ лѣсахъ пораженческаго Соловья-разбойника, взявъ себѣ въ поводыри Григорья свѣтъ Алексинскаго.

Не мало силы можно было накопить, сидючи сиднями четырнадцать мѣсяцевъ. Особенно, ежели надъ нами не каплетъ. Но вѣдь давно сказано, что скорость потребна только блохъ ловить. Слово не воробей, вылетитъ—не поймаешь. Сколько такихъ „словъ“ выпущено разными „меньшими богатырями“ нашего патріотизма! Одинъ Александровъ чего стоитъ. Слово — серебро, молчаніе — золото. И вотъ наши нынѣшніе лидеры патріотизма больше года войны провели, упорно играя въ молчанку. Тактика мудраго выжиданія—не плохая тактика. Пусть „меньшія братія“ попробуетъ двинуться въ качествѣ развѣдочнаго отряда. А „сова Миневры вылетаетъ только по вечерамъ“. И вотъ прошелъ наконецъ день („годочекъ мнѣ кажется за денечекъ“, какъ поется въ народной пѣснѣ), и насталъ чередъ вылетѣть мудрой птицѣ. Поправить сдѣланныя ошибки и указать истинный путь.

Тов. Бунаковъ такъ и начинаетъ. Пора одернуть увлекшихся. „Русская демократія съ самаго начала „пріяла“ войну, но на первыхъ порахъ переоцѣнила опасность революціонныхъ выступленій во время войны. Борьба съ самодержавнымъ режимомъ сразу потеряла свою остроту. Революціонныя ея проявленія на время совершенно исчезли. Создалась формула скорѣе психологическаго, чѣмъ логическаго характера, опредѣлившая настроеніе широкихъ круговъ демократіи, сначала оборона страны, потомъ борьба съ внутреннимъ врагомъ, сначала побѣда, потомъ революція“.

Ну да, конечно: „революціонный“ перепѣвъ „старой знакомой“ формулы Столыпина: сначала успокоеніе, потомъ реформы. Одно жаль: что тов. Бунаковъ, столь резонно разсуждающій, не подоспѣлъ тогда, когда свирѣпствовала эпидемія „переоцѣнки опасности революціонныхъ выступленій во время войны“, не ударилъ тревогу, не удержалъ увлекающихся, а предоставилъ эту задачу „соловьямъ-разбойникамъ“. Но—что дѣлать! Во всякомъ случаѣ, лучше поздно, чѣмъ никогда!

Итакъ, мы отвергли формулу „сначала побѣда, потомъ революція“. Мы не черезъ побѣду придемъ къ революціи.

Значитъ наоборотъ: черезъ революцію—къ побѣдѣ? Сначала революція, потомъ—благодаря революціи—побѣда?

Оказывается, тоже нѣтъ! Прочитавъ правоученіе направо, тов. Бунаковъ немедленно читаетъ такое же „правоученіе налѣво".

„Къ сожалѣнію, въ послѣднее время у нѣкоторыхъ представителей крайней демократіи начинаютъ звучать новыя ноты — высокія и опасныя. Пока старая власть не ушла, никакая организація обороны невозможна, говорятъ намъ". „Во имя самой обороны страны необходимо на время всю волю и всю энергію революціонной демократіи направить на борьбу со старымъ порядкомъ". „Прежнюю формулу общественныхъ настроеній готовы замѣнить другой формулой, прямо ей противоположной: сначала революція, а потомъ побѣда". И оказывается, что „нельзя достаточно энергично протестовать противъ этихъ новыхъ крайностей настроенія".

Вотъ тутъ и подите съ нимъ! „Недовернись — прибью, перевернись—тоже прибью".

„Логическихъ" формулъ, казалось бы, можетъ быть только три. Либо революція служитъ этапомъ къ побѣдѣ, либо побѣда—этапомъ къ революціи, либо, наконецъ, и побѣда, и революція развиваются параллельно, ни одна не предшествуетъ другой—онѣ совпадаютъ во времени. Такъ, можетъ быть, тов. Бунаковъ вѣруетъ въ возможность т р е т ь я г о выхода—въ то, что одновременно полнымъ темпомъ идетъ и подъемъ революціонной борьбы внутри страны, и подъемъ военнаго напряженія для одолѣнія врага на внѣшнемъ фронтѣ; одни побиваютъ „внѣшняго нѣмца", другіе въ то же время—нѣмца внутренняго? Однимъ разомъ, и едва ли не однимъ ударомъ—двухъ зайцевъ?

Нѣтъ, и въ эту чудесную комбинацію тов. Бунаковъ не вѣритъ. Ибо онъ же мечется въ тревогѣ, восклицая: „Что будетъ съ арміей, если новое настроеніе захватитъ широкіе круги демократіи, если народъ, хотя на время, о т в л е ч е т ъ с в о ю в о л ю и э н т у з і а з м ъ отъ непосредственной обороны страны и направитъ ихъ на борьбу со старой властью?.. Вѣдь настроеніе народа немедленно передается въ армію... Что будетъ, если духъ арміи хотя бы на самый короткій срокъ упадетъ, воля ослабнетъ, в н и м а н і е н а п р а в и т с я в ъ д р у г у ю с т о р о н у? — Армія дрогнетъ

и будетъ разбита". Отсюда, казалось бы, ясно, что нельзя отвлекать не только волю, но даже и в н и м а н і е арміи и демократіи въ какую бы то ни было другую сторону отъ дѣла непосредственной „обороны". Армія—мимоходомъ замѣтить—у Бунакова смахиваетъ больше на нервную институтку. Удивительно, какъ это арміи Франціи временъ революціи дѣлали свое дѣло, когда позади кипѣла страстная борьба партій, перевороты и контръ-перевороты. Но, должно быть, нервы русскаго солдата деликатнѣе гальскихъ нервовъ. Если въ тылу будетъ неспокойно, пропало дѣло: отвлечется вниманіе, и онъ дрогнетъ и будетъ разбитъ...

Но если такъ, для чего же было огородъ городить, для чего же капусту садить? Тогда надо безъ отговорокъ „впустить въ окно" ту самую „формулу", которую только что съ позоромъ изгнали въ дверь: сначала побѣда, потомъ—революція!

Но тов. Бунаковъ видимо, попеременно пишетъ обѣими своими руками: то лѣвой, то правой. Сначала лѣвая напишетъ: не надо переоцѣнивать опасности революціонныхъ выступленій во время войны. Потомъ правая прибавитъ: подъ условіемъ, чтобы не было такихъ революціонныхъ выступленій, которыя „отвлекутъ волю и энтузіазмъ" демократіи и „направятъ въ другую сторону" вниманіе арміи. А самъ тов. Бунаковъ стоитъ и любуется соединеннымъ результатомъ попеременной работы обѣихъ своихъ дланей: лѣвой, правой! Лѣвой, правой! Хотя всякому, даже не прошедшему полныхъ восьми классовъ гимназіи, ясно, что этотъ соединенный результатъ хорошо выражается извѣстной щедринской формулировкой: „приходъ съ расходомъ вѣренъ, а въ итогѣ—шишъ"!

Но какъ бы забавно ни выглядѣли эти плутанья въ трехъ соснахъ, недостаточно при видѣ ихъ просто улыбнуться. Какъ нибудь да примиряетъ же для себя тов. Бунаковъ всѣ эти взаимно другъ друга исключающія противорѣчія. Вѣдь это только для б е з у м і я Шиллеръ далъ опредѣленіе: „С о е д и н е н і е — н е с о е д и н и м а г о"! А нашъ дорогой тов. Бунаковъ до безумія, покуда что, не дошелъ. Все дѣло повидимому въ томъ, что—говоря его же словами—у него „создалась формула скорѣе психологическаго, чѣмъ логическаго характера". Онъ самъ себѣ еще логически не

выявилъ настоящимъ образомъ своего общаго настроенія, общаго психологическаго устремленія. И—дѣлать нечего— приходится дѣлать это з а н е г о, приходится обращаться къ гипотезамъ.

Вотъ почему я позволяю себѣ слѣдующимъ образомъ объяснить загадку истинной „политической позиціи“ тов. Бунакова. Онъ знаетъ, что „старая власть“ и находящаяся въ ея распоряженіи „ржавая бюрократическая машина“ только и дѣлаетъ, что „саботируетъ всѣ общественныя начинанія“, саботируетъ и самое дѣло обороны страны. И ему кажется, что при такихъ условіяхъ дѣло могло бы и должно было кончиться тѣмъ, что бы въ одинъ прекрасный моментъ общественныя и народныя силы, фактически просочившіяся сквозь всѣ плотины и взявшія въ свои руки всѣ важнѣйшія функціи обороны, сбросили за бортъ политической жизни бюрократическій придатокъ, такъ, что ничья бы рука даже и не поднялась на его защиту. настолько для всѣхъ стало бы яснымъ, что онъ только мѣшаетъ общему дѣлу спасенія родины. А при такихъ условіяхъ и армія только вздохнула бы съ облегченіемъ, узнавъ о совершившейся „нереволюціонной революціи“...

„Нереволюціонная революція“! Вотъ она, политическая перспектива, которая одна только можетъ явиться „синтезомъ“ обуревающихъ духъ тов. Бунакова политическихъ противорѣчій. Именно въ этомъ смыслѣ, надо полагать, и приходится понять его нѣсколько туманное заявленіе: „Успѣшная революція — не бунтъ, не безплодныя вспышки —можетъ быть въ данный моментъ только общенародной, о б щ е н а ц і о н а л ь н о й“. Въ наше нелѣпое время, когда Пуришкевичъ обнимаетъ Милюкова и голосуетъ за Шингарева, политическимъ импрессіонистамъ — а можно ли себѣ представить большаго импрессіониста, чѣмъ тов. Бунаковъ, который даже, пожалуй, и Савинкова перещеголяетъ?—все кажется возможнымъ. Щедринскій карась-идеалистъ тоже вѣдь считалъ возможнымъ „безболѣзненно“ обезвредить щуку. И онъ мечталъ: „а что, если бы всѣ рыбы между собой согласились“? Но ему тоже было нужно, чтобы согласились всѣ („общенародно, общенаціонально“): отъ демократической плотицы до жирнаго сома и воинственнаго окуня... Какъ видите, наши патріоты—большіе утописты, хотя

самая утопія то у нихъ маленькая — „видомъ малая и не безсмертная“, какъ выражался у Салтынова учитель Линкинъ.

Почему же непремѣнно утопія? — возразятъ намъ. Развѣ не бывало въ исторіи безкровныхъ революцій? Развѣ не пало во Франціи правительство Наполеона III такъ, что ни одна рука не поднялась на его защиту? Да, бывало. Да, пало. Да, во Франціи послѣ Седана произошла „нереволюціонная революція“. Да, она создала безъ борьбы и сопротивленія „правительство національной обороны“... боявшееся вооружить народъ, отдавшее Парижъ подъ опеку Трошю, и, за исключеніемъ едва ли не одного Гамбетты, готовое быть правительствомъ par interim, переходнымъ къ реставраціи одной изъ старыхъ династій!

„Нереволюціонная революція“ 70 года во Франціи была дѣтищемъ п о р а ж е н і я, дѣтищемъ полнаго р а з г р о м а всей военной силы стараго режима. О, если бы въ Россіи произошелъ Седанъ, и въ военномъ смыслѣ т е р я т ь с т а л о б ы н е ч е г о, — возможно, что и у насъ всѣ, вплоть до доктора Дубровина и Сашки Косого, отшатнулись бы отъ Николая, и его карьера была бы кончена почти безъ всякаго „отвлеченія“ на это дѣло „воли и силы“ демократіи. И вотъ почему наши соціалъ патріотствующіе враги „пораженцевъ“ о б ъ е к т и в н о, по послѣдствіямъ, какъ разъ и являются самыми настоящими пораженцами. Они обольщаются перспективой „нереволюціонной революціи“, которая только и можетъ наступить въ результатѣ п о р а ж е н і я. Они, изъ боязни повредить національной оборонѣ, хотятъ, покуда-что, какъ нибудь уживаться вмѣстѣ съ правительствомъ, „по одну и ту же сторону баррикады“, хотя знаютъ, что какъ разъ правительство-то и саботируетъ всю нашу жизнь, вплоть до дѣла „обороны“. Они тянутъ, они терпятъ это нестерпимое и для нихъ самихъ положеніе. Они не знаютъ ничего, кромѣ политики оттяжекъ и проволочекъ, называя это „быть мудрыми, какъ зміи“. Они затягиваютъ въ скрытомъ видѣ тотъ самый кризисъ, который далъ намъ и военныя пораженія въ Польшѣ, и дипломатическія пораженія на Балканахъ, и гражданскія безобразія въ Галиціи, и провокаціонную политику, политику, мѣтящую на пріобрѣтеніе „Арменіи безъ армянъ“, въ Закавказьи, и лицемѣрное заигрываньe съ независимостью многострадаль-

ной Польши, и истребительную политику противъ еврейскаго населенія театра войны. Они—худшіе п о п у с т и т е л и всего этого,—о, конечно, изъ самыхъ высокихъ мотивовъ, изъ боязни „отвлеченія силъ и вниманія“ арміи и демократіи, изъ благого намѣренія „спасти свою страну во что бы то ни стало“. Но есть благія намѣренія, которыми весь адъ вымощенъ. Есть средства „спасать страну“, которыя лишь помогаютъ ея губителямъ.

Итакъ, что же намъ предлагаютъ? Вѣру въ гнилую фантазію о „нереволюціонной революціи“, и во имя этой вѣры—тактику революціонной дряблости, выдаваемой за мудрую воздержность. Настоящая лепта вдовицы: немного, но отъ чистаго сердца.

* * *

Мы видѣли, первый торжественный вылетъ соціально-патріотической „совы Минервы“. Онъ не изъ удачныхъ. Должно быть, и послѣ четырнадцати мѣсяцевъ онъ все же былъ слишкомъ поспѣшенъ. Еще не достаточно сгустились политическіе сумерки, еще помраченіе умовъ не успѣло заключить всѣхъ и все въ свои объятія. И бѣдная сова, ослѣпляемая проблесками свѣта, мечется ощупью, шарахается въ кусты, натыкается на деревья, кружится, путается, безсильно барахтается, являя міру поистинѣ жалкое и странное зрѣлище. Que voulez-vous? C'est la fatalité...

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ

„Народъ живетъ теперь войной, работаетъ на войну. Только на интересахъ войны можетъ вырости общенародное революціонное сознаніе, только на работѣ на войну можетъ выковаться общенародная революціонная воля. Только въ организаціяхъ для войны можетъ сплотиться и сорганизоваться передовая, революціонная демократія“.

Таково убѣжденіе тов. Бунакова *). И онъ не видитъ, что онъ повторяетъ лишь благочестивую патріотическую легенду. „Живетъ войной“ и раститъ свое сознаніе „только на интересахъ войны“—н е н а р о д ъ, а тонкій слой „ин-

*) „Призывъ“, № 1.

теллигентскихъ сливокъ" общества. „Живутъ войной" газетчики, ихъ досужіе состоятельные читатели-обыватели, да профессіональные политики и политиканы. Народъ же живетъ прежде всего заботами и тревогами своего трудового ярма. Онъ страдаетъ отъ растущей дороговизны жизни, отъ того, что изъ семей выхвачены лучшія рабочія руки, отъ того, что ему приходится поперемѣнно переходить изъ рукъ спекулянта въ руки ростовщика и обратно, отъ того, что его положеніе становится все болѣе и болѣе нестерпимымъ. Наиболѣе искренніе консерваторы, вродѣ еп. Никона, ужасаются тому, какъ мало захватила война с а м у ю д у ш у русскаго крестьянина. Они его зовутъ „въ священной жертвѣ", а онъ „въ заботахъ суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ". О да, что и говорить, народъ — ужасный циникъ и матеріалистъ, не то, что эти консервативные и національно-либеральные патріоты бель-этажа, которые всецѣло предаются военному идеализму — „благо, наслѣдство богатыхъ отцовъ освободило отъ лишнихъ трудовъ".

Кто хочетъ, какъ Бунаковъ, сосредоточивать передовую демократію „т о л ь к о въ организаціяхъ для войны", тотъ лишь показываетъ, насколько онъ самъ односторонне захваченъ „интересами фронта" и душою оторвался отъ повседневной трудовой жизни и психологіи массъ. „Все для войны! все для побѣды" — есть формула в е р х о въ общества. Этой формулой, сознательно или безсознательно, они пытаются примирить трудовыя массы со всѣми лишеніями, которыя переносятся ими въ жертву иногда интересамъ войны, а чаще — въ жертву тѣмъ, кто изъ войны дѣлаетъ колоссальную дѣловую аферу. Массу народную въ войнѣ, подобной нынѣшней, войнѣ имперіалистической и династической, такимъ лозунгомъ безраздѣльно не захватишь и духовно не возродишь...

Въ „организаціяхъ для войны", гдѣ задаютъ тонъ, разумѣется, тѣ же патріоты бель-этажа, идетъ, покуда что, не „с п л о ч е н і е передовой революціонной демократіи", а ея р а с п ы л е н і е, расплываніе въ разношерстной и безформенной массѣ, стоящей подъ знаменемъ „общенаціональнаго единства", ассимилированье съ нею.

„Вѣдь и революцію мы хотимъ сейчасъ сдѣлать прежде всего во имя обороны, во имя побѣды", говоритъ Бунаковъ.

Твердое „хотимъ“ здѣсь, конечно, не у мѣста; правильнѣе звучало бы здѣсь: „и хочется, и колется, и маменька не велитъ“. Но не въ этомъ дѣло, а въ той поистинѣ своеобразной психологіи, при которой даже такая огромная, такая великая вещь, какъ революція, превращается „прежде всего“ въ простое с р е д с т в о, орудіе побѣды „вѣрнаго росса“ надъ „гордымъ тевтономъ“.

И понятно, что морально-психологическая пропасть между Бунаковымъ и подозрительными для него „истинными интернаціоналистами“ — огромна. Онъ революцію держитъ на запяткахъ, да и то скрѣпя сердце: а будь великій князь Николай Николаевичъ потсдамцемъ, или Сухомлиновъ по-мольткистѣй, такъ онъ и съ запятокъ бы ее согналъ. Пріоритетъ же, который даютъ „истинные интернаціоналисты“ интересамъ революціи надъ интересами фронта, онъ объясняетъ себѣ... немножко черезчуръ „по-алексински“.

„Эти люди съ радостью пріемлютъ новую формулу. Правда, они вносятъ въ нее нѣкоторую „поправку“: „сначала революція, а потомъ... свободный народъ самъ рѣшитъ, какъ быть съ войной“. Но, на худой конецъ, они готовы нѣсколько и затушевать эту небольшую разницу. Лишь бы сдѣлать революцію, а тамъ видно будетъ. Я прекрасно понимаю этихъ людей! Они то хорошо видятъ всю опасность для обороны страны, которую влечетъ за собой лозунгъ сосредоточиванія воли демократіи на внутренней революціи, они то хорошо знаютъ, къ чему это можетъ привести. Но вѣдь эти люди тысячу разъ въ сердцѣ своемъ приняли пораженіе своей родины. Тысячу разъ согласились на миръ, позорный и гибельный для ихъ страны...“.

Какъ это увѣренно звучитъ: „я прекрасно понимаю этихъ людей...“. Разумѣется, съ помощью „проницательныхъ читателей“, съ помощью господъ Алексинскихъ, которые подъ нами „на три аршина подъ землей видятъ“. Но на эту претензію всякій „истинный интернаціоналистъ“ можетъ ему только отвѣтить гордой гетевской фразой: „Du gleichst dem Geist, den du begreifst, nicht mir“!

„Сначала революція“! Да, это нашъ лозунгъ; но не только „с н а ч а л а — революція“, но и потомъ — также революція. Ибо нашъ лозунгъ — превращеніе потрясающаго Европу военнаго кризиса въ кризисъ революціонный; ибо при

наличности безвыходнаго заколдованнаго круга, въ который міръ заключенъ воинственнымъ упорствомъ правящихъ слоевъ, въ Европѣ все болѣе и болѣе углубляется и обостряется революціонная ситуація, объективная и субъективная необходимость разрыва этого заколдованнаго круга революціоннымъ натискомъ опомнившагося международнаго рабочаго класса; ибо при наличности такой революціонной ситуаціи та страна, которая первая покончитъ съ гражданскимъ миромъ и свершитъ революцію, неизбѣжно увидитъ, какъ ея потрясеніе отзовется тотчасъ же потрясеніями во всѣхъ углахъ Европы; ибо, несмотря на вражду Романовыхъ съ Габсбургами и Гогенцоллернами, ихъ судьбы въ этой войнѣ тѣсно связаны, и низверженіе однихъ будетъ сигналомъ и прелюдіей къ борьбѣ не на жизнь, а на смерть съ другими; и благодаря этому рабочій народъ, совершившій революцію въ своей странѣ — н е т о л ь к о т а к о й рабочій народъ! — на „второй день послѣ своей революціи“ сможетъ протянуть братскую руку помощи другому народу для е г о освобожденія отъ е г о хищнаго имперіалистическаго правительства! Вотъ въ какомъ смыслѣ мы и говоримъ: сначала — революція, потомъ — революція еще болѣе обширнаго масштаба! Черезъ революцію въ отдѣльной странѣ — къ революціонному кризису общеевропейскаго размаха и значенія!

И кому же мнѣ приходится напоминать это? Я не былъ ни на Штутгартскомъ, ни на Базельскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ; но тов. Авксентьевъ былъ на одномъ и Бунаковъ на другомъ. Это они провозгласили, что создающаяся ситуація „вноситъ въ рабочій классъ неукротимый духъ возмущенія“; это они взывали къ „страху господствующихъ классовъ передъ пролетарской революціей, которая проистечетъ изъ міровой войны“; это они ручались, что „при нынѣшнемъ положеніи Европы и настроеніи рабочаго класса власти не могутъ выпустить фурій войны, не подвергая опасности своего собственнаго существованія“; это они многозначительно напоминали, что за франко-нѣмецкой войной слѣдовала коммуна, а за манжурской кампаніей — русская революція; это они грозили, что въ случаѣ войны, „правящія власти, уничтожая всякую возможность нормальнаго развитія, тѣмъ самымъ толкнутъ про-

летаріатъ на отчаянные шаги". Это они, наконецъ, подтверждали требованіе Штутгардтскаго конгресса — въ случаѣ, если міровая война станетъ фактомъ, „использовать вызванный войной экономическій и политическій кризисъ, чтобы поднять народныя массы и тѣмъ самымъ ускорить паденіе господства капитала".

И, подписываясь подъ всѣмъ этимъ, они тѣмъ самымъ подписали свой собственный будущій приговоръ. Они расписались въ томъ, что теперь дѣйствуютъ—въ качествѣ силъ к о н т р ъ - р е в о л ю ц і о н н ы х ъ.

Давно ли въ своемъ „манифестѣ" Плехановъ, Бунаковъ и др. ставили русскимъ революціонерамъ въ примѣръ французскихъ революціонныхъ патріотовъ 1793 года? А теперь („и башмаковъ еще не износила"!) т. Б. уже недоволенъ тѣмъ, что „мы любимъ вспоминать уроки великой французской революціи", низвергнувшей тронъ своей династіи и вложившей революціонное содержаніе въ борьбу съ коалиціей соединившихся противъ нея монархій. Онъ находитъ, что „мы забываемъ при этомъ уроки болѣе близкой и болѣе похожей на нашу войну—войны 1870 г., когда освобожденная нація и революціонная армія, несмотря на чудеса храбрости, уже не смогла поправить несчастья прежнихъ пораженій и принуждена была сложить оружіе и подписать позорный миръ"...

Да, здѣсь есть разница. И не только та, о которой помнитъ тов Бунаковъ. Революція 1870 г, безкровная революція „всей страны" была съ самаго начала кастрирована, — кастрирована буржуазіей, боявшейся н а р о д н о й революціи, пожалуй, еще больше, чѣмъ Бисмарка, и подчинившей идею народоправія идеѣ военнаго реванша. Она спасала т о л ь к о Ф р а н ц і ю. Великая французская революція провозглашала новые соціально-политическіе принципы для всего міра. Ея война противъ враждебной коалиціи была превращена въ войну всеевропейской революціи противъ всеевропейской реакціи. Революція 1870 г. была болѣе узкой и національно-ограниченной по всѣмъ своимъ лозунгамъ, по всѣмъ своимъ заданіямъ. Чтобы расширить ея содержаніе, потребовалась „революція въ революціи", потребовалась Парижская Коммуна. И была задавлена той самой

арміей, которой Бунаковъ безъ всякихъ оговорокъ даетъ имя „революціонной арміи".

Бунаковъ и товарищи исторію 1870 г. считаютъ „болѣе близкой и болѣе похожей на нашу". Ибо то была — „революція для побѣды", а иной революціи они не пріемлютъ. Революція 1789 г., наоборотъ, — побѣду понимала только какъ послѣдствіе революціи и какъ инструментъ въ рукахъ революціи для универсализаціи, для распространенія на всю Европу революціонизированія всего общественно-политическаго строя. Понятна ли эта разница тов. Бунакову? Эта разница между „малой революціей" и Великой Революціей? Онъ, въ крайнемъ случаѣ, готовъ допустить „малую". Мы же хотимъ бороться противъ всего, что пытается стать на пути Великой...

Вотъ почему мы не пріемлемъ лозунга: революція для побѣды. Вотъ почему мы не смѣшиваемъ побѣду съ обороной. Вотъ почему мы лишь пожимаемъ плечами, когда Бунаковъ намъ восклицаетъ: „Россія должна побѣдить. Страна должна быть избавлена отъ ужасовъ конечнаго пораженія и мира, продиктованнаго завоевателемъ. Съ этимъ согласны всѣ, не стоящіе на безумной точкѣ зрѣнія пораженія своей родной страны". Но вѣдь есть не одна, а двѣ „безумныхъ точки зрѣнія", и та, другая, продиктована жаждой разгрома не своей, а „чужой" страны. И не присоединяется ли къ ней тов. Бунаковъ своей фразой „Россія должна побѣдить"?

Есть „безумцы", есть политическіе бушмены, которые признаютъ для Россіи, но отрицаютъ для Австріи и Германіи норму: „страна должна быть избавлена отъ ужасовъ конечнаго пораженія и мира, продиктованнаго завоевателемъ". Зачѣмъ же къ нимъ примыкаютъ всей своей фразеологіей тов. Бунаковъ и Авксентьевъ? Что же? или они могутъ, или они смѣютъ поручиться, что только отъ о д н о й изъ воюющихъ сторонъ можно ожидать з л о у п о т р е б л е н і я полной побѣдой? И синдикатъ изъ Николая II—Пуанкарэ—Георга V—Виктора Эмануила (еже есть сказуемо — „съ нами Богъ") — для нихъ есть компанія на паяхъ для возстановленія чистой идеи права и справедливости? Pas si bête!

Только политическіе бушмены никогда не поймутъ, что

могутъ быть люди, не стоящіе на бушменской точкѣ зрѣнія, желающіе мира безъ побѣдителей и побѣжденныхъ, и знающіе настоящій путь къ этому миру — международную акцію рабочей, трудовой демократіи одновременно противъ всѣхъ, схватившихся въ дикой свалкѣ правительствъ и правящихъ классовъ!

— Вы не желаете побѣдить „тевтоновъ“? А, понимаемъ: значитъ, вы хотите, чтобы тевтоны побѣдили насъ, вы „въ душѣ тысячу разъ согласились на миръ, позорный и гибельный для своей страны!“.

О, проницательные читатели! О, артисты чтенія въ сердцахъ! Каждому изъ васъ мы тысячу разъ имѣемъ право отвѣтить: не беритесь за то, на что вы неспособны! Вы хорошо понимаете своихъ братьевъ близнецовъ, соціалистовъ-патріотовъ враждебной намъ страны; вы можете недурно ихъ критиковать — по крайней мѣрѣ столь же недурно, какъ они умѣютъ критиковать васъ; но не пробуйте, въ вашемъ нынѣшнемъ настроеніи, „понимать“ и объяснять психологію дѣйствительныхъ интернаціоналистовъ. Должно быть, все больше и больше мы „становимся варварами другъ для друга“, и наша психологія дѣлается для васъ книгой за семью печатями. Межъ нами все глубже и глубже выростаетъ моральная пропасть... Du gleichst dem Geist, den du begreifst, nicht mir!

ОТЪ СОЦІАЛЪ-ПАТРІОТИЗМА КЪ НЕО-КАДЕТСТВУ

„Уже давно было сказано, что задачей русской демократіи является превращеніе этой войны въ войну народную“. Таково исходное положеніе тов. Н. Авксентьева въ статьѣ, которою онъ послѣ долгаго молчанія дебютируетъ въ новой газетѣ „Призывъ“, органѣ объединенныхъ с.-д. и с.-р.

„Превращеніе этой войны въ войну народную...“. Отчего нѣтъ? Прекрасная формула! Мы съ радостью ее „пріемлемъ и ни мало вопреки глаголемъ“. Ибо вѣдь не означаютъ же слова „народная война“ просто на просто войну народовъ съ народами! Это значило бы шутить съ понятіемъ „народной“, поистинѣ, шутку дур-

ного тона. Тогда ужъ и подъ „народной карой“ не понимать ли кару, надъ народомъ совершаемую?

Когда мы говоримъ о „народномъ“, мы ее ірво противопоставляемъ его а н т и - н а р о д н о м у. И если подъ народомъ разумѣть — какъ это всегда дѣлалъ до войны самъ тов. Авксентьевъ — не что иное, какъ „совокупность трудящихся классовъ“, то — не правда ли? — „превращеніе этой войны въ войну народную“ не можетъ означать ничего иного, какъ ея превращеніе изъ междоусобной распри народовъ въ борьбу совокупности трудящихся классовъ всѣхъ странъ съ совокупностью классовъ нетрудящихся!

О, какъ мы рады, что у насъ нашлась общая исходная точка зрѣнія съ тов. Н. Авксентьевымъ! Мы заодно съ нимъ провозгласимъ, какъ всемірно-историческую задачу настоящаго момента — превращеніе переживаемаго современной Европой военнаго кризиса въ кризисъ революціонный!

И еще въ одномъ пунктѣ мы готовы будемъ съ нимъ согласиться. Въ стремленіи возложить эту задачу прежде всего на р у с с к у ю демократію. Быть застрѣльщиками въ такомъ великомъ міровомъ движеніи — огромная честь. А мы съ тов. Авксентьевымъ — патріоты, патріоты не въ узкомъ и пошломъ, а глубокомъ и смѣломъ значеніи даннаго слова. И потому никому не уступимъ мы этой чести. Нашъ патріотизмъ будетъ состоять въ томъ, чтобы именно Россію выдвинуть — поскольку отъ нашихъ усилій это можетъ зависѣть — въ первые ряды въ дѣлѣ внесенія новыхъ, революціонизирующихъ началъ въ сокровищницу общечеловѣческихъ культурныхъ и соціальныхъ цѣнностей. Ибо какая же возможна болѣе смѣлая и благородная патріотическая мечта, чѣмъ мечта о русской демократіи, какъ застрѣльщицѣ общеевропейскаго освободительнаго потрясенія? Поистинѣ, никакія опасности, никакія трудности и жертвы не будутъ черезчуръ большою цѣной за возможность сыграть такую роль, выполнить такую миссію!

Увы! Пустыя надежды. Товарищъ Авксентьевъ именно шутитъ съ нами шутки дурного тона. Въ „народную войну“ онъ хочетъ какъ то „постепенно“ превратить ту самую войну, которую затѣяло царское правительство

съ правительствами кайзерскими. А средство для этого поистинѣ „діалектическаго“ превращенія необыкновенно просто. Это — все усиливать и усиливать сотрудничество русской демократіи съ царскимъ правительствомъ. Извѣстно вѣдь, что количество переходитъ въ качество. Подбавляйте къ царской бюрократической организаціи войны все больше и больше участія народныхъ элементовъ. И, въ концѣ концовъ, царская война превратится въ свою собственную противоположность — въ войну народную.

Какого тона! Поистинѣ, тов. Авксентьевъ нѣ[illegible]. Онъ намъ — намъ! — на[illegible]s'a“:

[illegible] революція побѣдитъ, если нѣмецкія войска [illegible] русскую границу? Конечно, этотъ фактъ можетъ вызвать паденіе русскаго царизма. Но не будутъ ли нѣмецкія войска стремиться побѣдить и раздавить революціонную Россію съ еще большей энергіей, чѣмъ абсолютистскія войска русскаго царя?“.

Прекрасныя слова! И для чего же они произнесены „Vorwärts'омъ? Для того, чтобы „оправдательный“ лозунгъ нѣмецкихъ соціалъ-патріотовъ „противъ русскаго царизма“ замѣнить лозунгомъ единодушнаго международнаго дѣйствія рабочихъ классовъ противъ в с ѣ х ъ правительствъ. И этими то словами тов. Авксентьевъ желаетъ оправдать свой лозунгъ — противъ прусскаго милитаризма! Да неужели морально политическая чуткость его настолько притупилась, что онъ даже не понимаетъ, насколько эти рѣчи „Vorwärts'а“ подсказываютъ е м у с а м о м у аналогичныя слова: если разгромъ Германіи приведетъ къ паденію Гогенцоллерновъ, то „не будутъ ли русскія войска стремиться побѣдить и раздавить революціонную Германію съ еще большей энергіей, чѣмъ абсолютистскія войска германскаго императора?“.

И стыдно, и смѣшно слушать квасныхъ либераловъ Россіи и пивныхъ либераловъ Германіи, когда они „украдкою кивають на Петра“, слушая, какъ „про взятки Климычу читаютъ“. Либеральствующіе патріоты Германіи изъ кожи вонъ лѣзутъ, доказывая, какъ долго со временъ „Священнаго Союза“ русскій абсолютизмъ поддерживалъ реакцію въ Европѣ и превращалъ правительства разрозненныхъ герман-

скихъ государствъ въ послушныя орудія своихъ контръ-революціонныхъ плановъ. А русскіе либеральствующіе націоналисты нашихъ дней не съ меньшимъ усердіемъ доказываютъ, что нашептыванья и совѣты Гогенцоллерновъ всегда укрѣпляли реакцію въ Россіи, и что еще не такъ давно, во времена русской революціи 1905—1906 г. кайзеръ предлагалъ царю на случай крайности свою братскую помощь. Казалось бы, оба другъ друга стоятъ и не нуждаются въ соблазнахъ со стороны, чтобы потерять невинность и впасть въ грѣхъ реакціонности. Казалось бы, оба „квиты“ въ смыслѣ готовности оказать другъ другу дружескую „услугу“ по части обузданія революціи. Но что за дѣло до этого либеральствующимъ націоналъ самохваламъ обѣихъ странъ! Тѣ и другіе, служа настоящимъ зеркаломъ другъ для друга, стремятся выдать чужое правительство за дьявола-оболстителя, а свое — немного не за невинную жертву его коварства.

Подобно этому завелись сейчасъ пивные соціалисты въ Германіи и квасные соціалисты въ Россіи, способные другъ для друга служить не менѣе прекраснымъ зеркаломъ. Борясь противъ своихъ пивныхъ соціалистовъ „Vorwärts“ напоминаетъ объ опасности, грозящей со стороны арміи Гогенцоллерновъ не только нынѣшнему русскому царизму, но и завтрашней русской революціи. Русскій квасной соціалистъ тутъ какъ тутъ. Съ торжествомъ пропитируетъ онъ это „цѣнное свидѣтельство“ нѣмецкаго интернаціоналиста, чтобы предостеречь отъ революціи въ Россіи и пригласить къ дружной общенаціональной борьбѣ съ германскимъ милитаризмомъ. Попробуйте отвѣтить ему, указавъ на опасность отъ царскихъ войскъ не только нынѣшнему реальному правительству кайзера, но и завтрашней возможной германской революціи. Нѣмецкій пивной соціалистъ будетъ тутъ какъ тутъ: подхватитъ ваше цѣнное свидѣтельство, чтобы предостеречь противъ нарушенія бюргерскаго мира въ Германіи и пригласить къ общенаціональной борьбѣ противъ царской Россіи. И послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ будутъ еще съ негодованіемъ корить другъ друга и клясться, что просто „умерли бъ съ тоски“, когда бы на своихъ чужеземныхъ близнецовъ „хоть чуть были похожи!“.

* * *

Но вернемся къ плану т. Авксентьева — постепенно „просачиваться“ въ организацію національной обороны, до тѣхъ поръ, пока не удается взять ее всецѣло въ свои руки. Не правда ли, отъ этой тактики вѣетъ чѣмъ то старымъ, хорошо знакомымъ?

И въ самомъ дѣлѣ, невольно вспоминается старый престарый кадетскій лозунгъ втородумской эпохи, когда премудрые крысы Онуфріи русскаго либерализма, смертельно напугавшись собственной дерзости въ Первой Думѣ, придумали хитроумный лозунгъ „осады власти“ вмѣсто ея „штурма“...

Вмѣстѣ съ нами, т. Авксентьевъ умѣлъ когда то довольно недурно и остроумно высмѣивать эту формулу — неудачное прикрытіе фактической к а п и т у л я ц і и. Недурной „прологъ“ для того, чтобы притти къ полной реставраціи этого самаго кадетскаго лозунга примѣнительно къ условіямъ военнаго времени!

Военно-милитарный кадетизмъ! Вотъ «линія тактики», предлагаемая намъ «хитроумнымъ Улиссомъ» изъ «Призыва».

„Организація обороны черезъ усиленіе демократическихъ вліяній, черезъ настойчивое участіе демократіи въ этой организаціи, овладѣніе демократіи органами власти черезъ организацію обороны...

„Необходимо въ реальной работѣ, не прекращающейся ни на моментъ, завоевывать позицію за позиціей...

„Труденъ этотъ путь. На каждомъ шагу правительство ставитъ новыя препоны демократіи, старается урѣзать всѣ возможности ея организованнаго проявленія. Моментъ написанія этихъ строкъ совпалъ съ полученіемъ извѣстія о роспускѣ Думы: правительство рѣшило твердо держать свой курсъ. Труденъ этотъ путь, шагъ за шагомъ необходимо демократіи отстаивать позиціи въ дѣлѣ обороны страны, постепенно создавать новые опорные пункты. Но только на этомъ пути и возможна дѣйственная и крѣпкая организація ея...“.

Трудно болѣе искусно копировать обычную фразеологію кадетской „реальной политики“ съ ея всестороннимъ проникновеніемъ и просачиваніемъ, ея „участіемъ“ во всѣхъ создаваемыхъ правительствомъ „организаціяхъ“, „созданіемъ новыхъ опорныхъ пунктовъ“, постепеннымъ „усиленіемъ

* * *

демократическихъ вліяній", вплоть до „овладѣнія органами власти"... И въ перспективѣ показанъ заманчивый миражъ: „народъ", не болѣе ни менѣе, какъ фактически ставшій на мѣстѣ исторической власти" во всей этой внѣшней борьбѣ, да къ тому же еще „сплоченный и одушевленный единой волей"...

Но мало того, что въ положительной характеристикѣ своей тактики тов. Авксентьевъ, самъ того не замѣчая, немилосердно обокралъ всѣ старые кадетскіе политическіе словари. И въ негативной части онъ рабски прихрамываетъ за ними. Кажется, не осталось ни одной изъ пустопорожнихъ фразъ плоскаго либерализма противъ революціонной тактики, которой бы онъ не позаимствовалъ, чтобы отмежеваться отъ соціалистовъ-интернаціоналистовъ. Тутъ и „отвлеченная проповѣдь необходимости революціи внѣ дѣла обороны", тутъ и „безпочвенность", тутъ и „бойкотизмъ жизненныхъ условій", который „при всей видимой радикальности, безплоденъ, болѣе того вреденъ", тутъ и „тактика отчаянія". Боже, какія старыя пѣсни, какіе истертые мѣдные гроши расхоже-либеральной фразеологіи! И это—все, что составляетъ „пафосъ" статьи человѣка, продолжающаго считать себя не только соціалистомъ, не только революціонеромъ, но и соціалистомъ-революціонеромъ.

Въ то старое время, когда кадеты впервые развивали свою благоразумную и реальную формулу „осады власти", надъ ними не мало иронизировали, указывая на то, что первое условіе успѣха всякой осады—это не пропускать къ осажденному никакой помощи и никакого подвоза средствъ сопротивленія. А между тѣмъ тогдашній первый же шагъ кадетовъ по новому пути былъ ознаменованъ „пріятіемъ" вотума бюджета, поддержкой внѣшнему займу и т. п. Новая „осада власти", на почвѣ всесторонняго проникновенія въ организацію національной обороны, дебютируетъ тѣмъ же. Поддерживайте всѣми личными и матеріальными средствами эту правительственную организацію, вотируйте ей военные кредиты (вспомните письмо Плеханова къ Бурьянову), не уходите изъ организацій по оборонѣ даже тогда, когда ваше присутствіе въ нихъ сопряжено для васъ съ полнымъ безвластіемъ и огромной отвѣт-

ственностью за ч у ж о е руководство, — когда даже кадеты и прогрессисты задумываются порой: да полно, не лучше ли демонстративно удалиться и оставить правительство а д и н ѣ съ самимъ с о б о ю?

Подъ этой статьей, которая озаглавленна „Путь къ свободѣ“, но которой лучше бы называться „Путь къ партіи народной свободы“, красуется подпись „Николай Авксентьевъ“. Я еще разъ внимательно пересмотрѣлъ всю ее, и кромѣ остатковъ старой терминологіи, кромѣ сиротливо выглядывающихъ еще здѣсь и тамъ словечекъ „революція“, „обрушить“ и т. п., не нашелъ ровно ничего, что могло бы оправдать подпись подъ нею имени Авксентьева вмѣсто какого нибудь другого хорошо знакомаго имени изъ „Рѣчи“ или „Русскихъ Вѣдомостей“.

Впрочемъ, не онъ первый, не онъ и послѣдній. Коллекція типовъ этого „нео-кадетства на подкладкѣ національной обороны“ можетъ считаться почти законченной. Въ лицѣ Ильи Бунакова мы имѣли немножко безтолковаго, но сочно темпераментнаго Р о д и ч е в а этого теченія. Въ лицѣ Николая Авксентьева мы получаемъ его холодно-симметричнаго и закругленнаго Павла М и л ю к о в а.

О НАРОДНИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦІИ.

Въ іюлѣ 1915 г. состоялось въ Россіи совѣщаніе „народническихъ“ дѣятелей — трудовиковъ, народныхъ соціалистовъ и соц.-рев. Совѣщаніе выработало проэктъ „объединительной“ платформы, въ которой неизбѣжно стерлись особенности, оттѣнки, отличающіе каждую изъ отдѣльныхъ, принимавшихъ участіе въ совѣщаніи, фракцій. Понятно, что крайнее лѣвое крыло совѣщанія, состоявшее изъ нѣкоторыхъ партійныхъ товарищей, соціалистовъ-революціонеровъ, менѣе всѣхъ могло разсчитывать на п о л н о е выраженіе своихъ воззрѣній въ принятыхъ „тезисахъ“. Но для нихъ было обязательно н е д о п у с к а т ь въ тезисы ничего п р о т и в о р ѣ я щ а г о этимъ воззрѣніямъ, во первыхъ, и не допускать такихъ пробѣловъ въ резолюціи, которые бы придавали двусмысленный характеръ нѣкоторымъ изъ принятыхъ положеній, — во вторыхъ. Мнѣ думается, что участвовавшимъ въ совѣщаніи с.-р.-амъ не вполнѣ удалось со-

блюсти два эти правила, и я попытаюсь это показать анализомъ предлагаемыхъ вниманію читателя формулировокъ. Но, во избѣжаніе всякихъ возможныхъ недоразумѣній, я долженъ прежде всего привѣтствовать обѣ идеи, положенныя въ самое основаніе общихъ резолюцій.

Это, во первыхъ, положенное во главу угла «стремленіе къ скорѣйшему возсозданію международной солидарности соціалистическихъ организацій для прекращенія войны». Идея прекращенія войны вмѣшательствомъ возрожденной третьей силы международнаго соціализма—есть наша завѣтнѣйшая идея, положенная во главу угла всей нашей программы. Именно эта идея не пріемлется тѣми, кого мы называемъ соціалъ-патріотами" въ средѣ нашей партіи: людьми, впавшими подъ вліяніемъ кризиса интернаціонала въ полное революціонное безвѣріе. Намъ особенно важно отмѣтить, что въ этомъ отношеніи пріявшіе войну «зарубежники» со своими «призывами» отстали не только отъ нашихъ партійныхъ товарищей въ Россіи, но даже и отъ трудовиковъ и народныхъ соціалистовъ. Какая ирониа—оказаться правѣе самыхъ умѣренныхъ группъ народническаго направленія!

Это, во вторыхъ, признаніе полной своевременности въ Россіи «рѣшительной борьбы за власть». И здѣсь умѣреннѣйшіе изъ русскихъ народниковъ—народные соціалисты и трудовики—стоятъ гораздо лѣвѣе тѣхъ нашихъ товарищей, которые, пріявши войну, чувствуютъ себя—въ борьбѣ противъ германской опасности—«по одну и ту же сторону баррикады» съ царскимъ правительствомъ и взываютъ къ „самообузданію" революціонеровъ въ виду всеопредѣляющихъ „интересовъ фронта".

Въ этихъ двухъ основныхъ, опредѣляющихъ пунктахъ платформы идейная солидарность между нами и группами іюльскаго совѣщанія—полная, и мы несказанно рады возможности заявить это совершенно опредѣленно и открыто.

Съ такою же радостью привѣтствуемъ мы полное отсутствіе въ резолюціи „освободительной легенды" по отношенію къ войнѣ, трезвое освѣщеніе ея имперіалистической подоплеки, отказъ опредѣлить все свое отношеніе къ войнѣ простымъ разысканіемъ ея „непосредственнаго виновника"

и полная чуждость лозунгамъ „войны jusqu'au bout“, противъ пресловутаго германскаго милитаризма.

Въ чемъ мы видимъ уязвимыя стороны резолюцій, тѣ стороны, которыя ослабляютъ ихъ общій духъ?

Такихъ сторонъ нѣсколько. Одна изъ нихъ заключается въ неопредѣленности и недостаточности позицій совѣщанія по острому и колючему вопросу о положеніи въ Россіи [illegible] еперь, когда въ отвѣтъ на [illegible]ы“ выдвинутую въ стра[illegible]ждается такая же освобо[illegible]стороны; когда революціон[illegible]оціалистичной организонала польскіе легіоны для войны съ Россіей за освобожденіе Польши; когда снова и снова на горизонтѣ вырисовывается перспектива возможнаго возстанія въ Финляндіи, съ помощью нѣмецкаго ли дессанта, который давно предлагаютъ финнамъ изъ Берлина, или же шведскаго войска, которое жаждутъ двинуть въ дѣло стокгольмскіе „активисты“; когда даже русины Галиціи и нѣкоторые элементы изъ русскихъ украинцевъ образуютъ организаціи „Вызволенья Украины“ и добровольческіе легіоны „сѣчевыхъ стрѣльцовъ“,— мало, слишкомъ мало ограничиться общимъ протестомъ противъ угнетенія національностей и требованіемъ общаго гражданскаго равноправія. Общее международное политическое положеніе придаетъ большую, чѣмъ когда либо, актуальность—скажемъ больше, неотложность исконному требованію с.-р. партіи—радикальной перестройки всей Россіи по принципу децентрализаціи, ея превращенія въ федеративное государство равноправныхъ національностей. Это требованіе не только справедливо и цѣлесообразно вообще. Въ данный критическій моментъ, когда даже самые самонадѣянные націоналисты начинаютъ понимать, что въ результатѣ правительственнаго авантюризма во внѣшней и внутренней политикѣ приходится объявить „отечество въ опасности“, — только такое радикальное переустройство и можетъ прекратить разростаніе угрожающихъ цѣлостности Россіи центробѣжныхъ тенденцій, способныхъ далеко перешагнуть за всякія разумныя границы и сдѣлать цѣлый рядъ „подвластныхъ“ народностей Россіи слѣпымъ орудіемъ имперіалистическихъ плановъ Австро-Германіи. Но громадную

важность имѣетъ для насъ, какъ послѣдовательныхъ интернаціоналистовъ, уже самая принципіальная сторона. Безъ декларацiи въ пользу федеративнаго переустройства Россiи можетъ пріобрѣсти двусмысленное значеніе—или, по крайней мѣрѣ, подвергнуться нежелательному перетолкованію—оговорка въ резолюціи о прекращеніи войны путемъ вмѣшательства „третьей силы“: „признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, до наступленія этихъ условій, неизбѣжнымъ участіе въ оборонѣ страны отъ внѣшняго насилія“. Такая „оборона страны“ не должна превращаться въ „оборону“ великороссійскихъ „правъ собственности“ на покоренныя территоріи, занятыя другими народами. Она не должна быть обходнымъ путемъ, посредствомъ котораго „пріятіе войны“, изгнанное съ позоромъ въ дверь, преспокойно влетитъ въ окно. Если въ рѣшительной „борьбѣ за власть“, неотложность которой признало совѣщаніе, побѣдитъ народъ, то даже революціонное временное правительство—а безъ него въ революціи не обойдется—тоже не будетъ встрѣчать армію завоевателей „хлѣбомъ-солью“. Но оно поведетъ противъ него революціонную, народную войну; оно обратится къ германскому пролетаріату съ призывомъ послѣдовать примѣру Россіи и вырвать власть у Гогенцоллерновъ, чтобы ликвидировать войну не сообразно перевѣсу грубой военной силы, а на принципахъ справедливости и права; она разорветъ всѣ международныя обязательства старой Россіи, связанныя съ захватными аппетитами и съ задними имперіалистическими цѣлями союзныхъ съ нею государствъ; оно воскреситъ традиціи якобинцевъ 1793 года, Джузеппе Гарибальди и Парижской Коммуны. Вотъ въ какомъ смыслѣ для насъ, революціонныхъ соціалистовъ, мыслима „оборона страны“, —оборона, перестающая быть простой обороной границъ полицейскаго государства и превращающаяся въ „оборону“ и даже въ наступательный революціонный походъ высшихъ общечеловѣческихъ началъ противъ всего отжившаго, — и вотъ въ чемъ наше отличіе отъ „пріявшихъ войну“ обезвѣренныхъ эпигоновъ соціализма!

Но относительно того, что въ случаѣ побѣды народа въ „рѣшительной борьбѣ за власть“ неизбѣжно было бы возникновеніе революціоннаго „временнаго правительства“, немедленно поднимающаго всю страну на борьбу за рас-

пространеніе дѣла русской революціи на другія страны, и братскую поддержку другимъ народамъ, находящимся подъ властью своихъ императорскихъ династій, — въ резолюціяхъ нѣтъ ни слова. Вмѣсто этого въ ней мы находимъ болѣе чѣмъ сомнительное мѣсто: „должна быть сдѣдана попытка привлечь Государственную Думу, даже въ ея теперешнемъ составѣ, къ народному дѣлу". Неужели же именно на долю этой думы должна выпасть роль переходнаго звена къ будущему строю—того звена, которымъ во всѣхъ н а с т о я щ и х ъ революціяхъ были революціонныя временныя правительства—того звена, функціей котораго будетъ „созданіе новой исполнительной власти, отвѣтственной передъ народнымъ представительствомъ, избраннымъ путемъ всеобщей подачи голосовъ"?

И неужели ради этой до смѣшного обманчивой перспективы—„привлеченія къ народному дѣлу" Думы-выкидыша контръ-революціи—среди требованій „демократизаціи государственнаго строя", „гражданскихъ свободъ", „правильнаго распредѣленія финансовыхъ тяготъ", и т. д., и т. д.—позабыто, опущено коренное с.-р. требованіе—передачи земли народу? Неужели поэтому описательнымъ терминомъ о „народномъ представительствѣ на основѣ всеобщей подачѣ голосовъ" замѣненъ и ясный революціонный терминъ—Учредительное Собраніе?

Если бы это было такъ, то вторая часть резолюцій іюльскаго совѣщанія обезцвѣчивала бы первую, „оговорки" и „добавки" искажали бы самую душу текста. И для настоящихъ соціалистовъ-революціонеровъ эти резолюціи—представляющія, вмѣстѣ съ признаніемъ необходимости нелегально организоваться, огромный, колоссальный прогрессъ какъ для трудовиковъ, такъ и для народныхъ соціалистовъ, —все же оставались бы непріемлемыми. Но тотъ фактъ, что тѣ товарищи с.-р.-ы, которые участвовали въ іюльскомъ совѣщаніи, все же приняли эти резолюціи, является для насъ достаточнымъ свидѣтельствомъ того, что н а м ѣ р е н і я авторовъ были лучше и с п о л н е н і я. И мы надѣемся, что „народническіе" элементы Россіи не остановятся на половинчатыхъ результатахъ перваго совѣщанія, но пойдутъ въ опредѣленіи своей политической позиціи дальше и смѣлѣе въ томъ самомъ направленіи, которое намѣчено двумя ру-

ководящими идеями, положенными въ самую основу его резолюцій. Нова же всего важнѣе работать въ духѣ этихъ идей — работать для прекращенія войны вмѣшательствомъ международнаго соціалистическаго движенія, работать для приближенія послѣдняго акта „рѣшительной борьбы за власть“ — памятуя, что одинъ шагъ впередъ практическаго движенія важнѣе дюжины резолюцій и программъ. И, конечно, въ этой работѣ товарищи соціалисты революціонеры никому не уступятъ перваго мѣста.

POST-SCRIPTUM. — Уже послѣ опубликованія этой статьи и резолюцій конференціи пришло извѣстіе, что полученный нами текстъ ихъ — еще не окончательный, а такъ сказать, черновой. Затѣмъ мы получили и резолюціи въ окончательной редакціи. Теперь такъ какъ извѣщеніе опоздало, и дѣло все равно было уже сдѣлано, т. е. черновой текстъ опубликованъ — намъ представляется дѣломъ безспорнаго интереса — сравнить обѣ стадіи, пройденныя резолюціями, и въ случаѣ существенной разницы въ текстахъ, раскрыть внутренній смыслъ пережитыхъ резолюціями варіацій.

Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что — за исключеніемъ лишь о д н о г о пункта — редакціонныя измѣненія представляютъ собою шаги не впередъ, а назадъ.

Каковы же главнѣйшія изъ этихъ измѣненій?

Въ то время, какъ первая изъ принятыхъ резолюцій осталась совершенно безъ измѣненій, вторая подверглась значительнымъ смягченіямъ. Первоначальный текстъ гласилъ (п. 1), что правительство „привело страну въ состояніе полнаго разстройства“, и что (п. 2) въ настоящій моментъ „глубоко потрясены самыя основы народнаго хозяйства“. Изъ окончательной резолюціи энергичное утвержденіе о потрясеніи основъ народнаго хозяйства совершенно исчезло, и замѣнено элементарнымъ замѣчаніемъ: „современная политика правительства ведетъ къ тому, что экономическія послѣдствія войны лягутъ главной своей тяжестью на трудящіяся массы“. Смягчено и первое утвержденіе, въ которомъ с о в е р ш е н н ы й видъ замѣненъ н е с о в е р ш е н н ы м ъ: правительство еще не „привело“, а лишь „ведетъ“ страну „къ полному разстройству“.

Еще серьезнѣе второе смягченіе. Въ первоначальномъ текстѣ резолюція энергично возвѣщала, что „наступилъ моментъ для рѣшительной борьбы за власть“. Окончательная редакція увы! разбавила пресной водицей эту боевую формулу. „Рѣшительная борьба“ превратилась просто въ „борьбу“, и объектомъ борьбы поставлена не „власть“, а „рѣшительное измѣненіе системы государственнаго управленія“. Формула болѣе чѣмъ эластичная. Одно дѣло — поставить своей задачей вырвать власть изъ рукъ ея нынѣшнихъ держателей, а другое дѣло — склонить или заставить эту власть пойти на „рѣшительное измѣненіе системы государственнаго управленія“. Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo — говорилъ древній поэтъ. „Если мнѣ не удастся склонить небожителей, я двину противъ нихъ подземныя силы“. Формула первоначальнаго текста гласила ясно о намѣреніи „двинуть подземныя силы“. Формула окончательной редакціи не исключаетъ попытокъ и надеждъ къ чему то „склонить небожителей“. Что это — сентиментальный утопизмъ или „тонкая политика“?

Этотъ самый вопросъ мы задавали, когда въ первоначальномъ текстѣ 3-ей резолюціи отмѣчали странный проэктъ „сдѣлать попытку привлечь Государственную Думу, даже въ ея нынѣшнемъ составѣ, къ народному дѣлу“. Это вѣдь тоже было одной изъ разновидностей политики „увѣщеванія небожителей“. Въ окончательной редакціи она къ счастью исчезла и замѣнена (рез. 3 п. А.) требованіемъ сдѣлать попытку „воспользоваться думской трибуной для выраженія народныхъ требованій и организаціи такимъ образомъ народныхъ силъ“. Любопытно было бы знать, не введена ли эта поправка уже post factum, когда Дума рѣшительно „не оправдала надеждъ“ и грубо разрѣшила всѣ „привлекательные“ маневры и планы? Какъ бы то ни было, черезъ головы „небожителей“ или „верхнихъ трехсотъ тысячъ“ теперь рекомендуется обращаться прямо къ „подземнымъ силамъ“, къ трудовымъ массамъ. Но для чего же выгонять въ дверь всю эту пресловутую тактику „моральнаго воздѣйствія на верхи“, если рядомъ ее впускаютъ въ окно?

Эти и подобныя мысли не разъ приходили намъ въ голову и тогда, когда мы читали рѣчи въ Думѣ депутата Ке-

ренскаго, рѣчи, всегда полныя подъема, часто полныя внутренней силы, но вѣчно оставляющія боязнь, какъ бы ноченокъ меду не былъ вдругъ испорченъ какой нибудь нежданной ложкой дегтю—вродѣ хотя бы недавняго воззванія къ представителямъ думскаго большинства—во имя національной опасности „забыть свои классовыя позиціи“. Какъ будто такое забвеніе—возможно! Какъ будто обѣщаніе его можетъ быть чѣмъ нибудь, кромѣ напвности или лицемѣрія! Какъ будто показать передъ массами обманчивый миражъ такого забвенія не значитъ вводить ихъ въ гибельнѣйшее изъ заблужденій! И какъ будто, наконецъ, обращаться съ такими призывами къ имущимъ — не значитъ косвенно обѣщать имъ въ обмѣнъ забвеніе классовыхъ позицій трудовой массой!

Отмѣтимъ, наконецъ, измѣненіе не къ лучшему и въ пунктѣ Б третьей резолюціи. Первоначальный текстъ отмѣчалъ мѣры, которыхъ депутаты должны „требовать“ съ думской трибуны и рядомъ ставилъ имъ особую миссію „употребить всѣ усилія для скорѣйшей организаціи трудовыхъ массъ“. Новый текстъ замѣняетъ эту непосредственную организаціонную миссію депутатовъ—обязанностью ихъ „требовать... необходимыхъ мѣръ для скорѣйшей организаціи трудовыхъ массъ“. Но вѣдь одно дѣло—организаціонные процессы, явочнымъ порядкомъ скрѣпляющіе массы снизу—и другое дѣло законодательныя „мѣры“, организующія массы сверху или пособляющія ихъ полуофиціальной организаціи“—каковая вѣдь можетъ свестись и просто къ „мобилизаціи народнаго труда“, подобной „мобилизаціи промышленности“. Маленькимъ на первый взглядъ незамѣтнымъ, редакціоннымъ ретушированіемъ недвусмысленная боевая формула опять замѣнена растяжимой, эластичной, допускающей самыя „безобидныя“ перетолкованія. Что это? Приспособленіе ли къ психологіи болѣе нерѣшительныхъ и робкихъ элементовъ? Или какая то другая „высшая политика“? Не знаемъ. Но вѣрно одно: вмѣстѣ съ удаленіемъ эпитетовъ „немедленная“, „немедленное“ отъ требованій амнистіи и осуществленія политическихъ и гражданскихъ свободъ (рез. 2, п. 1, разд. А и Б), вся эта работа ретушера притупляетъ цѣлый рядъ заостренныхъ мѣстъ резолюціи, притупляетъ ея „революціонное жа-

ло". Сдѣлано ли это съ „заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ" или просто по старой привычкѣ — понижать голосъ передъ лицомъ нависшихъ надъ русской землей „независящихъ обстоятельствъ"? Такъ или иначе, но въ обоихъ случаяхъ намъ остается лишь выразить свое искреннее и глубокое сожалѣніе... Въ такія времена, какъ переживаемое нами, нужно научиться говорить не „на двое", а ясно, опредѣленно и рѣшительно. И такъ же — дѣйствовать...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

РЕЗОЛЮЦІИ НАРОДНИЧЕСКАГО СОВѢЩАНІЯ.

I.

а) Обсудивъ свое отношеніе къ міровой войнѣ, совѣщаніе, состоящее изъ лицъ разныхъ народническихъ теченій — с.-р., трудовиковъ и н.-с., находитъ, что настоящая война является результатомъ съ одной стороны всего хода развитія капиталистическихъ государствъ и ихъ борьбы за политическое господство и за преобладаніе на экономическихъ рынкахъ, съ другой стороны — недостаточнаго вліянія демократіи на управленіе государствъ.

б) Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе съ горечью отмѣчаетъ, что часть соціалистическаго интернаціонала постоянно противодѣйствовала включенію въ программу дѣятельности интернаціонала практическихъ мѣръ предупрежденія самой возможности возникновенія европейской войны.

в) Поэтому русскія соціалистическія и трудовыя организаціи должны стремиться къ скорѣйшему возсозданію международной солидарности соціалистическихъ организацій для прекращенія войны, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, до наступленія этихъ условій, неизбѣжнымъ у ч а с т і е въ о б о р о нѣ с т р а н ы о т ъ в н ѣ ш н я г о н а с и л і я.

г) Совѣщаніе признаетъ необходимымъ, чтобы всѣ правительства отказались отъ завоевательныхъ задачъ и принудительнаго присоединенія захваченныхъ земель и настаиваетъ на предоставленіи населенію спорныхъ территорій права самому опредѣлить свое государственное бытіе послѣ войны.

д) Въ то же время русская демократія должна добиваться свободы обсужденія всѣхъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ войной и въ томъ числѣ вопроса объ условіяхъ будущаго мира, отвѣчающаго идеаламъ демократіи.

е) Русское правительство, какъ доказалъ годъ войны, неспособно правильно организовать оборону государства, оградить армію отъ безполезныхъ жертвъ и предотвратить острую хозяйственную и финансовую разруху страны, т. к. рѣшительно не желаетъ привлечь къ отвѣтственной государственной работѣ живыя силы народа.

ж) Поэтому совѣщаніе выражаетъ убѣжденіе, что всѣ усилія демократіи должны быть сосредоточены на созданіи новой исполнительной власти, отвѣтственной передъ народнымъ представительствомъ, избраннымъ путемъ всеобщей подачи голосовъ и что безъ этого всѣ жертвы страны будутъ безцѣльны.

II.

1. Обсудивъ внутреннее положеніе страны и признавая, что русское правительство не только не сумѣло оборонить страну, но и ведетъ къ полному разстройству, совѣщаніе находитъ, что въ настоящее время наступилъ моментъ для борьбы за рѣшительное измѣненіе системы государственнаго управленія и что лозунгами этой борьбы должны быть:

а) Амнистія всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія.

б) Осуществленіе основныхъ гражданскихъ и политическихъ свободъ.

в) Демократизація государственнаго строя сверху донизу.

2. Принимая во вниманіе, что современная политика правительства ведетъ къ тому что экономическія послѣдствія войны лягутъ главною своею тяжестью на трудящееся населеніе, совѣщаніе находитъ что лозунгами борьбы за соціально экономическое оздоровленіе страны должны быть:

а) Широкая свободная самодѣятельность крестьянскихъ и рабочихъ трудовыхъ массъ.

б) Обезпеченіе свободы профессіональныхъ, кооперативныхъ и классовыхъ трудовыхъ организацій.

в) Правильное распредѣленіе финансовыхъ тяготъ между классами населенія.

3. Въ виду того, что въ настоящую войну русское правительство систематически разжигаетъ національнистическія страсти и довело до крайнихъ предѣловъ угрожающее единству народовъ Россіи угнетеніе отдѣльныхъ народностей, особенно отвратительно выразившееся въ травлѣ евреевъ, совѣщаніе признаетъ, что немедленное уравненіе передъ закономъ всѣхъ гражданъ безъ различія національности и вѣроисповѣданія дѣлается совершенно неотложнымъ.

4. Крайняя острота и отвѣтственность переживаемаго момента вызываютъ необходимость тѣснаго сплоченія и единства дѣйствія всѣхъ демократическихъ силъ, почему совѣщаніе, состоящее изъ с.-р., трудовиковъ, и н.-с., призываетъ всѣхъ народниковъ къ энергичной совмѣстной работѣ и къ созданію мѣстныхъ и центральныхъ объединенныхъ организацій.

III.

а) Признавая, что Государственная Дума оторванная отъ народныхъ массъ, тѣсно связанная въ своемъ большинствѣ съ интересами правящихъ круговъ и лишенная возможности дѣйствительно вліять на ходъ государственной жизни, содѣйствовала наступленію разразившагося кризиса, а нынѣ безсильна будетъ вывести изъ него страну, совѣщаніе находитъ, что до созыва истиннаго народнаго представительства въ виду исключительной отвѣтственности момента должна быть сдѣлана попытка воспользоваться думской трибуной для выраженія народныхъ требованій и организаціи такимъ образомъ народныхъ силъ.

б) Депутаты раздѣляющіе мнѣнія настоящаго совѣщанія, должны раскрыть передъ народомъ всю правду о войнѣ и о внутреннемъ положеніи страны. Они должны потребовать амнистіи, созыва правильно избраннаго и полновластнаго народнаго представительства, немедленнаго осуществленія гражданскихъ и политическихъ свободъ и необходимыхъ мѣръ, для скорѣйшей организаціи трудовыхъ массъ. Они должны кромѣ того, выдвигая требованія гражданскаго равноправія, удѣлить особое вниманіе безпримѣрному надругательству надъ интересами евреевъ и украинцевъ.

в) Обсудивъ взаимоотношеніе внѣдумскихъ народническихъ группъ съ фракціей трудовой группы, совѣщаніе выражаетъ твердую увѣренность, что трудовая группа признаетъ для себя необходимымъ руководствоваться положеніями, принятыми настоящимъ совѣщаніемъ и явится выразительницей его мнѣній съ кафедры Государственной Думы. Одновременно совѣщаніе настойчиво рекомендуетъ всѣмъ народническимъ группамъ войти въ тѣсное сношеніе съ трудовой фракціей для взаимнаго освѣдомленія и совмѣстныхъ дѣйствій.

ПЛѢННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО.

„Горе вамъ, видящимъ сучекъ въ глазу ближняго, въ своемъ же и бревна не замѣчающимъ!

„Народничество, какъ цѣлое, стало на путь шовинизма". „Народничество — въ плѣну шовинизма". Такимъ открытіемъ поразилъ насъ въ № 1 журнала „Коммунистъ" Г. Зиновьевъ. Въ „народничество" онъ включаетъ и партію с.-р. — и она „обѣими ногами стоитъ теперь на почвѣ франко-русскаго шовинизма". И не называйте ему никакихъ именъ, никакихъ лицъ — въ лучшемъ случаѣ онъ все это признаетъ „исключеніями, подтверждающими только правило".

Открытіе довольно неожиданное! Неожиданное? Какъ для кого! А вотъ Г. Зиновьевъ заранѣе a priori зналъ, что такъ будетъ, и теперь знаетъ, что такъ есть, потому что такъ должно было быть по его теоретическому календарю. Въ этомъ календарѣ значится, что народничество вообще и партія с. р. въ частности есть не болѣе, какъ буржуазная демократія. Но «въ моментъ, когда д а ж е большинство оффиціальныхъ с.-д. партій скатились къ соціалъ-шовинизму, было бы п о и с т и н ѣ ч у д о м ъ, если бы и буржуазная демократія не заплатила дань времени". Видите ли, д а ж е съ „переломъ созданія" исторіи, съ соціальдемократіей, произошло неблагополучіе, — гдѣ же послѣ этого устоять „простымъ смертнымъ" партіямъ?

Но и этого мало. Въ томъ же календарѣ значится, что „россійское народничество въ его идейно руководящей части — насквозь интеллигентское направленіе“, что „его связь съ широкими народными массами — минимальная“. Но такъ какъ въ этомъ военномъ кризисѣ русскій марксистскій интернаціонализмъ растерялъ почти всю свою интеллигенцію, то выводъ ясенъ: «интеллигенція, какъ общественный слой, вся въ Россіи впала въ шовинизмъ». А стало быть, «насквозь интеллигентское» народничество и с.-р.-ство д о л ж н о б ы л о увязнуть въ шовинизмѣ сугубо. Противное, очевидно, опять таки «было бы поистинѣ чудомъ».

Это разсужденіе чрезвычайно характерно для «догматическаго» марксизма. Онъ вѣчно вмѣсто того, чтобы прежде всего глядѣть въ приходо-расходную книгу общественной жизни, — пытается эту жизнь построить путемъ силлогизмовъ. Правда, предсказатели соціальной погоды изъ марксистскихъ календарей столько разъ оказывались въ общемъ не удачливѣе предсказателей погоды въ календаряхъ обычныхъ, что почти оправдали знаменитое восклицаніе „всѣ врутъ календари!“. Но это еще никогда не приводило ихъ въ смущеніе. Г. Зиновьевъ тоже — изъ ничѣмъ не смущающихся.

Г. Зиновьевъ знаетъ, что «трудовая группа воздержалась отъ голосованія за военные кредиты». Но въ данномъ случаѣ для него это не болѣе, какъ „ритуалъ“, не особенно важный, ибо „кредиты и безъ того были обезпечены“. И, подбадривая себя этими соображеніями, онъ дальше ужъ безъ всякихъ колебаній называетъ поведеніе трудовиковъ стыдливымъ уклоненіемъ отъ голосованія...“.

Но вѣдь тогда и думскіе с.-д. тоже „стыдливо уклонились“, тоже выполнили безобидный ритуалъ, ибо „кредиты и безъ нихъ были обезпечены“? И вообще демонстративное неучастіе въ вотированіи кредитовъ не имѣетъ того важнаго морально-политическаго значенія, которое ему приписываетъ вся соціальдемократическая литература? Нѣтъ, соціальдемократическіе депутаты — другое дѣло. Г. Зиновьева крайне возмущаетъ то обстоятельство, что на основаніи внѣшняго сходства поведенія „нѣкоторые добрые люди сравниваютъ поведеніе трудовой группы съ поведеніемъ ра-

бочихъ депутатовъ въ Думѣ". Почему же ихъ нельзя сравнивать? А потому, что одинъ изъ лидеровъ трудовиковъ, Керенскій, обѣщалъ, что „великая русская демократія, въ союзѣ со всѣми остальными силами страны, окажетъ упорное сопротивленіе врагу, который на насъ напалъ". Фраза двусмысленная, конечно; при желаніи изъ нея можно вывести, будто Россія — чуть ли даже не оффиціальная Россія — ведетъ лишь оборонительную войну, и будто отсюда можетъ вытекать позиція „общегражданскаго союза" во имя интересовъ фронта. Правда, этихъ выводовъ трудовики дѣлать не желаютъ; но тѣмъ печальнѣе тотъ фактъ, что лидеръ трудовиковъ выступилъ съ такой расплывчатой формулой. Однако, нельзя забывать, что и отъ имени о б ѣ и х ъ с.-д. фракцій Думы депутатъ Хаустовъ выступилъ также съ расплывчатымъ и двусмысленнымъ обѣщаніемъ, что русскій пролетаріатъ „будетъ защищать культуру страны отъ всякаго нападенія".

И въ дальнѣйшемъ между поведеніемъ трудовиковъ и оставшейся половины с. д. можно провести довольно полную аналогію. Г. Зиновьевъ самъ этого знаетъ: онъ констатируетъ присутствіе не только Керенскаго, но и Чхеидзе на совѣщаніи 10 іюня по вопросу объ участіи депутатовъ въ дѣлѣ снабженія арміи; онъ отмѣчаетъ (по „Рѣчи") положительное отношеніе не только Керенскаго, но и Чхеидзе къ проэкту прогрессистовъ объ организаціи „комитета обороны". Болѣе того, онъ самъ же констатируетъ, что другой крупный соц.-дем. депутатъ Чхенкели сталъ (см. его статью въ № 5 „Совр. Міра") на точку зрѣнія полнаго примиренчества съ грѣхопаденіемъ европейской соціальдемократіи. Для Чхенкели, напр., „сказать, что германская соціальдемократія была въ состояніи помѣшать военному выступленію своей страны и этого не сдѣлала, значило бы или скрыто желать, чтобы она на баррикадахъ нашла не только свое, но и своего отечества послѣднее издыханіе, или смотрѣть на предметы, рядомъ лежащіе, сквозь анархическій телескопъ".

О! Я прекрасно понимаю, что Г. Зиновьевъ не закрываетъ глазъ на faux pas Чхеидзе и Чхенкели только потому, что они принадлежатъ къ враждебной ему подъ-фракціи думской соц.-дем. группы. Однако, дружественная ему подъ-

фракція тоже вѣдь не оправдала всѣхъ надеждъ Ленина-Зиновьева. И уже въ „Коммунистѣ“ имъ приходится хвататься, какъ утопающимъ, за соломинку, за того изъ членовъ фракціи, который, по ихъ опредѣленію, „лучше другихъ держался на судѣ“... Лучше другихъ? Стало быть, другіе держались таки неважно? Почему же умалчиваетъ объ этомъ такой, строгій къ другимъ, судія, какъ Г. Зиновьевъ?

Что изъ всего этого слѣдуетъ? Да только то, что одно дѣло — желаніе, другое — исполненіе. Въ Думѣ и соціальдемократы, и трудовики попытались занять интернаціоналистическую, враждебную шовинизму позицію. Но и тѣмъ, и другимъ не всегда удавалось отстаивать ее съ достаточной степенью послѣдовательности и выдержанности. Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas. Скажемъ одно: если даже въ выступленіяхъ трудовиковъ и оказалось сравнительно больше „сбоевъ“, то вѣдь нельзя же забывать, что трудовики представляютъ собою лишь п р а в о е к р ы л о народничества. И всетаки въ вопросѣ о войнѣ поведеніе этого п р а в а г о крыла народниковъ стояло приблизительно на томъ же уровнѣ, какъ и поведеніе соціальдемократической группы, взятой въ цѣломъ..

Еще болѣе благопріятны для народничества будутъ результаты сравненія въ области литературной. Въ русской легальной прессѣ приходится отмѣтить два народническихъ органа: „Русское Богатство“ — органъ ортодоксальнаго народничества, и „Современникъ“ — органъ критическаго народничества. То же и въ другомъ лагерѣ: „Современный Міръ“ — органъ ортодоксальнаго марксизма, и „Наша Заря“ — критическаго. Что же мы видимъ? Оба народническихъ органа — въ общемъ держатъ курсъ противъ шовинизма. Въ „Русск. Богатствѣ“ и А. Пѣшехоновъ, еще болѣе В. Мякотинъ, и еще болѣе Н. Русановъ отстаиваютъ позицію международной соціалистической солидарности. Г. В. Зиновьеву остается только подмѣчать сбои отдѣльныхъ сотрудниковъ журнала, вродѣ Елпатьевскаго и Діонео. Что касается „Современника“, то даже критики изъ „Коммуниста“ должны, скрѣпя сердце, „отдать должное“ интернаціоналистической позиціи тов. Н. Суханова. И это въ то время, какъ оба легальныхъ марксистскихъ журнала, и

„Современный Міръ“, и „Наша Заря“, avec tous les armes et bagages, со всѣми своими потрохами, поплыли по теченію самаго плоскаго національнаго шовинизма...

Но Г. Зиновьевъ считаетъ, что у него есть на чемъ „отыграться“. „Оффиціальный представитель партіи с.-р. въ Межд. Соц. Бюро г-нъ Рубановичъ оказался вульгарнѣйшимъ соціалъ-шовинистомъ“, а между тѣмъ „партія не отозвала его“, „Ц. К. Партіи вообще молчитъ“! Что и говорить, своимъ поведеніемъ въ началѣ войны тов. И. Рубановичъ — прости ему Аллахъ! — не мало посодѣйствовалъ созданію ложнаго впечатлѣнія относительно позиціи партіи с.-р. Правда, „партія не отозвала его“. Правда, „Ц. К. Партіи вообще молчитъ“. Но не степенью говорливости партійныхъ учрежденій съ громкими названіями опредѣляется истинная позиція партіи. Тѣмъ больше что громкими названіями злоупотреблять не слѣдуетъ. Ленинскій «Коммунистъ», напр., называетъ О. К. не иначе, какъ „почтенной фикціей“, и въ отвѣтъ на это ленинскій Ц. К. получаетъ наименованіе „узурпаторскаго кружка“. „Кто виноватъ, кто правъ — судить не намъ“, но немножко больше скромности, повидимому, не помѣшало бы обоимъ этимъ почтеннымъ учрежденіямъ. Что касается до насъ, то мы не сторонники культивированія фикцій, и потому предпочитаемъ открыто признаться, что русскимъ группамъ партіи еще не удалось вполнѣ возсоздать центральную организацію. Мы ни отъ кого не думали скрывать, что война застала Ц. К. партіи с.-р. въ состояніи разгромленности, — откуда проистекалъ рядъ затрудненій и осложненій поважнѣе хотя бы того, напр., что „отозвать“ И. Рубановича долгое время было н е к о м у. Но ни для кого не тайна, что въ Россіи доселѣ не нашлось н и о д н о й дѣйствующей мѣстной группы, которая выступила бы въ духѣ нашихъ „патріотовъ“. Это интернаціоналистическое настроеніе подавляющаго большинства партіи отразилось въ выступленіи двухъ с.-р. делегатовъ на Лондонской конференціи, и въ участіи представителя большинства Загр. Делег. Ц. К. на Конференціи въ Циммервальдѣ. Впрочемъ, ихъ позиція, какъ и позиція „Жизни“, не удовлетворяетъ нашего критика. И понятно: кто не высказывается за „пораженіе“, тотъ вѣдь, по его мнѣнію, непослѣдовательный интернаціоналистъ...

Итакъ, позиція дѣйствующихъ въ Россіи с.-р. организацій сейчасъ достаточно опредѣлилась. И потому тов. Руубановичъ поступилъ болѣе чѣмъ правильно, сообразивъ, что онъ болѣе не можетъ говорить отъ имени партіи. И онъ уже достаточно давно избралъ „благую часть“, совершенно умолкнувъ.

Но что за дѣло Г. Зиновьеву до с.-р. организацій въ Россіи. Интернаціоналистичность ихъ позиціи онъ заранѣе объявилъ вещью невозможной, „поистинѣ чудомъ“. И теперь лучше сдѣлать видъ, что ничего не видишь, спрятать голову подъ крыло, по образцу страуса. Ему выгоднѣе сосредоточить все свое вниманіе на явленіяхъ болѣе „персональнаго“ характера. Съ особеннымъ удовольствіемъ тщательно перечисляетъ онъ „такихъ вліятельныхъ с.-р.овъ, какъ Авксентьевъ, Бунаковъ, Евгеньевъ, Бахъ, Билитъ, Лазаревъ, Аргуновъ, Савинковъ, Нечетный, Вороновъ, Моисеенко“. Не споримъ, здѣсь есть нѣсколько извѣстныхъ с.-р. именъ. Но если бы мы вздумали перечислять патріотическихъ звѣздъ приблизительно той же величины изъ соціальдемократическаго лагеря, то списокъ получился бы куда внушительнѣе. Нѣтъ, не въ добрый для себя часъ вздумалъ доказывать Г. Зиновьевъ, будто народничество—не въ примѣръ марксизму—находится „въ плѣну шовинизма“. Подумайте только о томъ, что „въ плѣну шовинизма“ оказался и самъ отецъ русскаго марксизма, его главный теоретикъ и литературный лидеръ—Г. В. Плехановъ, и главный политико-экономическій и аграрный авторитетъ партіи—П. Масловъ; посмотрите, какая за ними тянется вереница именъ—Левъ Дейчъ, Іорданскій, Потресовъ, Финнъ-Енотаевскій, Н. Рожковъ, Алексинскій, Бѣлоусовъ, Клейнбортъ, Е. Смирновъ, Левицкій, Череванинъ, Дневницкій, Ида Аксельродъ, С. Прокоповичъ, Е. Кускова, Ольгинъ, Анъ, Кахели, Акимовъ-Махновецъ, и многія, многія другія „падшія души“. Я уже не говорю о соціалъ-шовинистахъ подъ другимъ соусомъ—Парвусѣ, Баскѣ и т. п.

И однако... И однако, оказывается, что „россійская соціальдемократія—теперь это не подлежитъ уже никакому сомнѣнію—съ честью вышла изъ испытанія. Знамя интернаціонализма не дрогнуло въ ея рукахъ. Ядро партіи оказалось иммунизированнымъ противъ соціалъ-шовинизма“.

Вы разводите руками, читатель? Напрасно. Тайна своеобразной логики Г. Зиновьева очень проста. Поймите, что Н. Ленинъ съ обычными двумя-тремя твердокаменными (нынѣ таковыми при немъ состоятъ Г. Зиновьевъ, Н. Бухаринъ и А. Брамъ)—это и есть настоящее „ядро партіи". „L'Etat—c'est moi". Но кто же сомнѣвался въ томъ, что эта „небольшая, но теплая компанія" всесторонне „иммунизирована", даже болѣе, я сказалъ бы „забронирована"? И такъ какъ она не со вчерашняго дня только и дѣлаетъ, что „распространяетъ вокругъ себя пространство", то все, что не съ нею, давно уже въ ея глазахъ не имѣетъ ничего общаго съ настоящей соціальдемократической партіей. Rome n'e-t plus dans Rome, Rome est là où je suis (Римъ болѣе не въ Римѣ, Римъ тамъ, гдѣ нахожусь я). Вотъ то своеобразное ленино-центрическое міросозерцаніе, съ точки зрѣнія котораго русская соціальдемократія, обладая завидною способностью самосокращенія, всегда остается дѣвственно чистымъ перломъ созданія. Она не окажется въ плѣну ни у кого... кромѣ „самого" Кита Китыча русскаго большевизма.

ЦѢНА 60 сант.